
Алина Верєсова
Квартира
напротив

Алина Вересова

«Квартира напротив»

«Автор»
2026

Вересова А.

«Квартира напротив» / А. Вересова — «Автор», 2026

Она приехала, чтобы продать квартиру матери. Но прошлое оказалось не так просто оставить за закрытой дверью.Семь лет Лера Морозова не разговаривала с матерью. Семь лет строила собственную жизнь в Москве, убеждая себя, что больше никогда не вернётся в родной Петербург.Но после смерти матери ей приходится вернуться.В знакомой квартире всё изменилось. Чужие чашки на кухне, следы ремонта и сосед из дома напротив — резкий, немногословный Илья Воронцов, который, кажется, знал её мать гораздо лучше собственной дочери.Лера хочет разобраться с наследством и поскорее уехать. Но неожиданное завещание меняет её планы. Теперь ей предстоит выяснить, кем на самом деле была её мать, научиться доверять человеку, которому доверять совсем не хочется, и решить, что важнее — навсегда закрыть дверь в прошлое или рискнуть открыть её снова.Иногда, чтобы найти своё счастье, нужно вернуться туда, откуда однажды сбежала.

© Вересова А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 13
Глава 3 19
Глава 4 24
Глава 5 30
Глава 6 36
Глава 7 43
Глава 8 49
Глава 9 55
Глава 10 62
Глава 11 68
Г 74
Конец ознакомительного фрагмента. 75

Алина Вересова
«Квартира напротив»

Глава 1

Глава 1. Чужой ключ

Ключ не поворачивался.

Лера стояла на четвёртом этаже, с чемоданом между ног, и второй раз подряд пыталась провернуть нижний, цилиндровый, замок — тот, что всегда требовал терпения: чуть отжать дверь на себя, потом дожать. Она помнила это движение ладонью, помнила даже, что делать это надо не спеша, иначе замок заедает. Семь лет ничего не менялось в этом движении.

«Значит, замок всё-таки поменяли», — подумала она с неожиданной злостью. И сразу же, будто в ответ, ключ провернулся.

Дверь открылась внутрь, тяжело, как открываются двери в домах, где за сто лет осели все перекрытия. Лера переступила порог и на секунду остановилась, потому что пахнуло — и это было хуже всего. Она прикрыла за собой дверь и привычно повернула ключ в нижнем замке. Верхний трогать не стала.

Пахло не запустением. Пахло квартирой, в которой живут: остывшим чаем, старой деревянной мебелью, чуть кофе, и ещё чем-то сухим, вроде нагретой пыли на радиаторе. За несколько недель после смерти матери воздух никуда не делся. Он просто остался здесь, как остаются вещи.

Она поставила чемодан в прихожей, у зеркала, и не стала разуваться. Потом всё-таки разулась — не в силах переступить через собственное правило: в доме, где мыла полы мать, в обуви не ходят.

Квартира была маленькая: две комнаты, сорок шесть метров, кухня, где двум людям уже тесно. Но потолки — три двадцать, лепнина по карнизу, и паркет «солнышком», который в Москве теперь вставляют только в проекты за очень большие деньги, а здесь он лежал себе, потемневший по краям, и поскрипывал в одном и том же месте — у поворота в большую комнату.

Лера прошла по нему и услышала скрип.

В большой комнате всё было почти как прежде. Диван с вытертым подлокотником, накрытый пледом. Сервант с посудой, которую не доставали. Часы «Весна» на стене — и они шли. После смерти матери в квартире, значит, кто-то бывал.

На подоконнике стояли три горшка. Герань, фиалка и ещё что-то с длинными листьями, название которого Лера не знала. Земля в горшках была влажная. Не вчера поливали, но и не месяц назад.

Она провела пальцем по подоконнику. Пыли почти не было.

— Ну конечно, — сказала она вслух и сама поморщилась от того, как это прозвучало: будто она разговаривает с кем-то, кто должен услышать.

Чемодан остался в прихожей. Она открыла шкаф в спальне — там висели пальто, два платья, кофта на плечиках, и всё это ещё держало форму матери, её осанку, её привычку застёгивать верхнюю пуговицу. Лера тронула рукав и убрала руку.

На кухне её ждало самое неприятное.

Кофемашина. Небольшая, блестящая, из тех, что покупают люди, решившие наконец жить хорошо. Тамара Морозова всю жизнь пила растворимый кофе из банки с зелёной крышкой и называла капучино «пенкой». Рядом с кофемашиной стояла керамическая банка, а в ней — зерно.

Лера открыла шкафчик над столом: там был аккуратный ряд чашек, и три из них — не из её детства. Простые, толстые, тёмные. Не похожие на материнские. Такие покупают, когда в доме появляется человек, который пьёт много и не любит тонкий фарфор.

Она закрыла шкафчик.

На столе лежала квитанция из строительного магазина, придавленная сахарницей. Сентябрь. Смеситель, гибкая подводка, два метра шланга, саморезы. Сбоку, материнским почерком, мелко и ровно — как она всегда писала, будто заполняла бланк, — было выведено: «И. — в субботу, после обеда».

Лера прочитала дважды. Потом перевернула квитанцию лицом вниз, как будто это что-то решало.

В кране на кухне что-то щёлкнуло, когда она открыла воду, чтобы сполоснуть чашку. Чашка была не её, и вода была не её, и всё здесь было не её, и именно поэтому она мыла эту чёртову чашку, вместо того чтобы сесть и заплакать, — потому что руки были заняты и можно было не думать.

Подводка под раковиной лопнула без предупреждения.

Просто внизу, под раковиной, что-то коротко хрустнуло, и вода пошла — не струйкой, а сразу, во все стороны, весело и сильно, заливая полки с кастрюлями, стенку шкафчика, ноги.

Лера рванула рычаг смесителя — закрыла. Вода не остановилась: хлестало из трубы под мойкой. Она глянула под раковину, в темноту, где блестело и шипело, и поняла, что не знает, где здесь перекрывается стояк. Что она вообще ничего не знает про эту квартиру, кроме того, что в ней скрипит половица и что в серванте лежат салфетки, которые нельзя доставать.

Она выдернула из шкафчика полотенца — все, сколько было, — и бросила на пол. Вода шла через них и уже подбиралась к порогу.

И в этот момент в замке повернулся ключ.

Лера выпрямилась. Звук был совершенно отчётливый: металл вошёл, провернулся, нижний замок — тот, что она сама еле открыла, — щёлкнул с первого раза, уверенно, как щёлкают замки для человека, который делает это часто.

Дверь начала открываться.

Она успела почувствовать только одно — что сейчас её будет тошнить, — и шагнула в прихожую. Дверь открылась на ширину ладони, и в щели показался мужчина. Он тоже остановился.

— Здравствуйте, — сказал он.

Он был в тёмной куртке, надетой поверх рабочего, судя по всему, свитера, и с разводным ключом в руке. Светлые глаза, короткая стрижка, лицо человека, который привык, что его слушают.

— Вы кто? — спросила Лера.

— Илья. Воронцов, — сказал он так, будто это всё объясняло. — Из второго корпуса. У вас вода внизу.

— Что?

— У Анны Павловны на третьем потолок потёк. Она мне позвонила, я поднялся. — Он кивнул на ключ в своей руке. Потом посмотрел на ключ отдельно. — У меня ключ от квартиры. Тамара Ивановна дала.

— Кто?

Он помолчал ровно столько, чтобы это стало заметно.

— Ваша мать, — сказал он. — Тамара Ивановна. Дала ключ. Года два назад.

В прихожей стало очень тихо. Где-то под полом шумела вода.

— Кухня, — сказала Лера. — Там под раковиной.

Он вошёл, снял куртку и повесил её не на крючок, а на спинку стула, стоявшего в прихожей, — то есть точно туда, где её, видимо, всегда вешали. Прошёл мимо Леры, не задев, и в кухне сразу стал двигаться иначе: быстро, без разглядывания. Отодвинул стопку полотенец ногой, присел, заглянул под мойку. Разводным ключом поддел декоративную панель.

— Кран на кухонную линию за шкафчиком. Его не видно. — Он поднялся, отодвинул в сторону кастрюли и потянулся рукой в щель между стеной и шкафом. — Тамара Ивановна тоже с первого раза не находила. У неё раз потолок залило так, что соседям ремонт делали.

Скрип, металлический стон, и шум воды оборвался. Стало слышно, как капает.

— Всё, — сказал он.

Лера стояла в дверях кухни, скрестив руки.

— Спасибо, — сказала она. — Дальше я сама. Оставьте ключ, пожалуйста.

Он посмотрел на неё. Не удивился, не обиделся — просто посмотрел, как смотрят на человека, который говорит глупость, и ждёт, когда он сам это поймёт.

— Ключ я оставлю, — сказал он. — Но сначала надо посмотреть, что у Анны Павловны. Если у неё течёт по стене, к вечеру будет хуже, чем сейчас.

— Я могу сходить сама.

— Можете, — согласился он. — Только вы не знаете, куда смотреть.

Он взял из шкафчика под раковиной тряпку — не первую попавшуюся, а именно ту, синюю, — и бросил её на пол. Потом достал из кармана телефон и, не глядя, набрал номер.

— Анна Павловна, это Илья. Открывайте, я иду.

Лера вышла за ним на лестницу, потому что оставаться в кухне, где всё мокрое, было ещё хуже. Они спустились на третий этаж. Дверь квартиры под материнской была приоткрыта. Внутри пахло жареным луком и валерьянкой, и женщина в халате уже говорила быстро, наперебой:

— Илюшенька, я смотрю — по стене, по стене ползёт, я думала, у меня крыша…

— Вижу, — сказал он. — Это не у вас. Это сверху.

Лера стояла в дверях чужой квартиры и слушала, как её обсуждают в третьем лице.

— А вы кто будете? — спросила Анна Павловна, только теперь её заметив. — Ой. Ой, а вы, значит, дочка. Тамарина дочка. — Она осеклась, и это «осеклась» было хуже любого упрёка. — Царствие небесное. Хорошая была женщина. Хорошая.

— Спасибо, — сказала Лера.

— Мы с ней тут… — Анна Павловна повела рукой, показывая не то на стену, не то на всю свою жизнь. — Она мне в мае с лекарствами помогала. Илюша, а ты чего молчишь? Ты же её…

— Пятно мокрое, — сказал Илья, поднимая голову от потолка. — Надо просушить и посмотреть, что с отделкой. Не смертельно.

Он сказал это слово — «не смертельно» — и на секунду в комнате стало очень неуютно. Он это, кажется, тоже понял: поднялся, вытер руки о тряпку и, ни на кого не глядя, добавил:

— Завтра посмотрю, как сохнет. Часов в десять. — И уже Лере: — Подводку менять надо. И кран перекрытия проверить: ему лет двадцать.

— Я вызову слесаря, — сказала Лера.

— Вызывайте.

Они поднялись обратно на четвёртый. Он мыл руки в ванной, а Лера стояла в коридоре и смотрела, как он ищет полотенце — и находит его с первого раза, за дверцей, в самом низу, где висело ещё одно, аккуратно сложенное.

— Вы здесь часто бывали, — сказала она.

— Бывал.

— Насколько часто?

Он закрыл воду, вытер руки.

— Достаточно часто, чтобы знать, где полотенце. — Он повесил его на место, ровно так же сложив. — Тамара Ивановна четыре года назад попала в историю с ремонтом. Ей подрядчики сняли полстены и исчезли. Я помог разобраться. Потом ещё по мелочи: кран, розетки, стояк. Она звонила, я приходил.

— И ключ вам дала.

— И ключ мне дала.

Лера прислонилась плечом к дверному косяку. В прихожей было темно, лампочка горела только в кухне, и всё это вместе — мокрый пол, чужая тряпка, полотенце, сложенное вчетверо ровно там, где его складывала мать, — вдруг сложилось в одну очень простую мысль: у её матери была жизнь. Не пауза, не ожидание, пока дочь позвонит. Жизнь, в которой был мужчина, который знал, где лежит полотенце.

— Странно, — сказала она. — Я об этом ничего не знала.

— А почему вы должны были знать?

Вопрос был задан без нажима. От этого он был ещё хуже.

— Потому что я её дочь, — сказала Лера.

Илья ничего не ответил. Взял со стула куртку, но не стал надевать, а перекинул через руку.

— Мне надо оформлять наследство, — сказала она, и голос вышел ровнее, чем она ожидала. — Я открываю дело на следующей неделе. Потом приведу квартиру в порядок и выставлю. Дом хороший, Петроградка, покупатель найдётся.

— Найдётся, — согласился он.

— Я не собираюсь здесь жить.

— Я и не спрашивал.

— На всякий случай.

Он смотрел на неё ещё секунду, и в лице у него было что-то такое, чего Лера не смогла прочитать: не насмешка, не жалость. Скорее усталость человека, который уже пожалел о нескольких сказанных словах, но не собирается брать их обратно.

— Если она вам достанется, — сказал он.

Лера не сразу поняла.

— То есть?

— В прямом смысле.

— А кому ещё она может достаться? — Она услышала собственный голос и не узнала его: слишком высокий, слишком быстрый. — У неё был один ребёнок. Я. Больше никого нет.

Илья переложил куртку на другую руку.

— Например, мне, — сказал он.

Пауза была ровно такой, чтобы всё в квартире успело стать другим. Часы на стене щёлкнули. За стеной у соседей зашумела вода.

— Это шутка? — спросила Лера.

— Конечно, — сказал он.

И держал её взгляд на секунду дольше, чем нужно, чтобы это было «конечно».

Потом наклонил голову:

— На кухне воду я перекрыл. До ремонта не открывайте. Завтра в десять зайду, посмотрю, что нужно для замены подводки. — Он открыл дверь. — Нижний замок заедает. Не закрывайте на оба, а то не откроете.

— Ключ, — сказала Лера.

Он вынул из кармана связку. На кольце было пять или шесть ключей — длинные, короткие, с разноцветными пластиковыми головками. Он снял один — плоский, с потёртой головкой — и протянул ей.

— Она мне его дала, — сказал он ещё раз, без выражения. — Я не напрашивался.

И вышел.

Лера закрыла дверь. Постояла, держась за ручку. Потом повернула верхний замок, потом нижний — на оба, как он и советовал не делать. Ей было всё равно.

Она вернулась в кухню, собрала мокрые полотенца в таз, вытерла пол. Руки делали, голова молчала. В какой-то момент она поняла, что уже десять минут вытирает одно и то же место, и остановилась.

Квитанция из строительного магазина так и лежала лицом вниз. Лера взяла её, хотела выбросить — и вместо этого открыла нижний ящик, где у матери всегда лежали бумаги: квитанции, инструкции, рецепты, перевязанные аптечной резинкой.

В ящике был порядок, которого Лера не ожидала. Папка, в ней — файлы, в файлах — по годам. Она вытащила верхний и вытряхнула на стол.

Квитанции, квитанции, квитанции. Оплата за газ. Договор на обслуживание домофона. Гарантийный талон на кофемашину, оформленный на «Морозову Т. И.». А между двумя квитанциями, зажатая так, чтобы не потерялась, — плотная белая карточка.

Визитка.

Лера повернула её к свету.

«Нотариус Гурьева Светлана Анатольевна». Малый проспект, дом, кабинет, телефон. И на обороте, поперёк, материнским почерком — тем самым, аккуратным, будто заполняли бланк:

«14 сентября, 11:40».

Ни слова больше. Ни «завещание», ни «документы», ни «И.».

Лера села на табурет и положила визитку перед собой, как кладут на стол карту, которую нечем крыть.

Четырнадцатое сентября. Она помнила, какого числа умерла мать: шестого октября. Между этими датами было двадцать два дня. Двадцать два дня между назначенной встречей и смертью. Была ли Тамара у нотариуса, Лера не знала. Даже если была, с чего бы ей говорить об этом дочери? Они семь лет не разговаривали.

Лера достала телефон. Нашла в переписке последнее сообщение от матери — короткое, отправленное в конце августа, когда она ещё была жива и когда Лера, увидев имя на экране, отложила телефон и не ответила до вечера, а вечером уже не стала.

Она не стала открывать сообщение. Помнила только начало, увиденное тогда в уведомлении: кажется, что-то про погоду. Или «береги себя».

Она положила телефон экраном вниз.

Вода в трубах за стеной щёлкнула и загудела. Лера подняла голову и посмотрела в окно кухни — во двор-колодец, где напротив, в другом корпусе, светились окна: одно, второе, третье. За одним из них, на четвёртом этаже, горел тусклый свет над кухонным столом, и в этом свете двигалась чья-то тень — большая, спокойная, повесившая что-то на спинку стула.

Она не стала смотреть. Отвернулась.

Но когда через минуту подошла к двери, чтобы проверить замки ещё раз, то поймала себя на том, что стоит и держит в руке ключ, который ей вернули, — плоский, с потёртой головкой, тёплый от её ладони.

Ключ от квартиры, в которой она не была семь лет.

И ещё один ключ, о котором она узнала только сегодня, — тот самый, который человек из дома напротив всё-таки отдал ей. Он мог вернуть металл. Не мог вернуть ей те годы, когда приходил сюда вместо неё.

Она повесила ключ на гвоздь у зеркала. Там уже висела связка — та, которой она открывала дверь.

Значит, у её матери было как минимум два комплекта. И один из них всё это время находился у человека, о котором Лера до сегодняшнего дня даже не слышала.

Лера выключила свет в кухне и осталась стоять в темноте прихожей, слушая, как в пустой квартире идут часы.

Глава 2

Глава 2. Вода по стене

Утро началось с того, что в кухне не было воды.

Лера повернула рычаг смесителя влево, потом вправо, подождала. Труба в стене отозвалась коротким стоном и замолчала. Только тогда она вспомнила: вчера человек из дома напротив перекрыл кухонную линию и сказал не открывать.

Она спала на диване, накрывшись пледом, который пах чужой стиркой — порошком, который она никогда не покупала. Проснулась в семь, оттого что за стеной у соседей заработала стиральная машина, и долго лежала, глядя в потолок с лепниной, где в углу темнела тонкая трещина, похожая на ветку без листьев. Батарея под окном была горячая. За окном двор-колодец стоял в серой взвеси, и в этой взвеси уже горели два окна напротив — на втором этаже и на четвёртом.

В ванной вода была. Лера набрала её в чайник, набирая кружкой, потому что чайник под изогнутый краник не влезал, и это её почему-то разозлило сильнее, чем вчерашний потоп. Потом долго держала руки под холодной струёй, пока не заболели пальцы, и смотрела в зеркало на своё лицо: тридцать четыре года, тушь вчера не смыта, под глазами тени, которые не спишешь на дорогу.

Кофе она сварила в турке, на плите, смолов немного зёрен из керамической банки в старой ручной кофемолке. Взяла ту самую толстую тёмную чашку — не потому, что хотела, а потому, что остальные в шкафчике были материнские, с золотой каймой, и пить из них было выше её сил. Села на табурет у окна. Кофе вышел скверный: она не умела на глаз.

Телефон показал два письма от заказчицы из Москвы и напоминание, что пора продлить страховку машины.

Сначала она позвонила в управляющую компанию. Там долго искали её дом по адресу, потом женский голос с одышкой объяснил, что гибкая подводка под мойкой — зона ответственности собственника, а по факту залива надо составить акт, иначе, не дай бог, соседка потом скажет, что это её залили.

— А кто составляет акт?

— Мы составляем. Заявку примем, инженер придёт. Только у нас сегодня один инженер, он на аварии.

— Когда?

— Ну, может, завтра. Может, послезавтра.

Потом она нашла в телефоне службу мелкого ремонта. Там ответили бодро: выезд мастера — тысяча пятьсот, замена подводки — от трёх с половиной тысяч, стоимость материалов отдельно, ближайшее окно — сегодня после шести.

Лера записала предложенное время в заметки, перечитала и не почувствовала облегчения. После шести у неё не было никаких планов. У неё вообще не было планов, кроме списка дел, который она составила в поезде и который теперь казался написанным другим человеком: разобрать вещи, вызвать оценщика, открыть наследственное дело, вернуться в Москву.

В девять пятьдесят шесть в дверь позвонили.

Она посмотрела в глазок. Стекло было старое, с пузырьками, и стоявший на площадке человек вытянулся в длинную вертикальную полосу: тёмная куртка, сумка в руке. Она узнала его по плечам раньше, чем по лицу.

Лера отперла оба замка — вчера она всё-таки закрыла квартиру на оба, назло совету — и открыла дверь, но не отступила.

— Доброе утро, — сказал Илья. — В десять я, помню. Пришёл в девять пятьдесят шесть, извините.

— У вас больше нет ключа, — сказала она.

Он посмотрел на неё так, будто она сообщила ему что-то о погоде.

— Больше нет.

— Я это к тому, что вы позвонили.

— А вы боялись, что я не позвоню.

Она не ответила и посторонилась.

В сумке у него оказалась новая гибкая подводка в прозрачном пакете, пара прокладок и инструменты. Он выложил всё это на стол в кухне, рядком, как инструменты перед операцией.

— Сколько это стоит? — спросила Лера.

— Девятьсот двадцать. По чеку.

— Я отдам.

— Потом отдадите.

— Нет, сейчас.

Она достала кошелёк, отсчитала тысячу и положила на стол, рядом с подводкой. Он молча отсчитал восемьдесят рублей сдачи и подвинул ей монеты. Купюру убрал в карман куртки так спокойно, будто она подписала ему пропуск.

— Работу я оплачу отдельно, — сказала Лера. — По расценкам. Сколько это стоит?

— Вы вчера решили вызвать слесаря.

— Я его вызвала. Он придёт после шести.

Илья снял куртку и повесил её на спинку стула.

— А сейчас что?

— Сейчас я хочу понять, что вы собираетесь делать.

— Открутить старую подводку и поставить новую. Кран пока не трону: для его замены придётся отдельно перекрывать воду выше по линии.

— Вы мне не назвали цену.

— Тысяча пятьсот, — сказал он ровно. — Как в вашей службе.

Лера прищурилась.

— Вы слышали, как я звонила?

— Нет, — сказал он. — Вы удивитесь, но я знаю, сколько это стоит. Я этим занимаюсь.

— Чем именно?

— Эксплуатацией зданий. Я инженер. Слесарем меня зовут, когда лень искать слесаря.

Он присел, открыл дверцу под мойкой, и оттуда пахнуло сыростью. Лера стояла у него за спиной, скрестив руки, и смотрела, как он ощупывает трубы, как поворачивает вентиль — вентиль пошёл с таким звуком, будто внутри провернулись камни.

— Старый кран я бы лишний раз не трогал, — сказал он. — Он держит на честном слове. Если ещё раз закроете, может не открыться.

— То есть его надо менять.

— Его надо менять.

— Хорошо. Кто это делает?

— Сантехник через управляющую компанию: придётся согласовать отключение воды. Самовольно общий стояк я трогать не стану. А ваш кран на кухонной линии ставили при царе.

— Понятно.

— Вам не понятно, — сказал он без нажима. — Вы сейчас думаете: «Сейчас этот человек мне что-то сделает, назовёт цену, а я не смогу проверить».

Лера помолчала.

— Я думаю, что два года у вас был ключ от квартиры, в которой я не была семь лет, — сказала она. — И вы знаете, где у неё лежит полотенце. Это не то же самое, что «не доверяю».

— Это ровно то же самое, — сказал он. — Только с пояснением.

Он полез в сумку, достал разводной ключ, и разговор кончился сам собой — потому что он начал работать.

Она смотрела. Он открутил гайку, подставил под стык сложенную в несколько раз тряпку — ту самую синюю, которая вчера лежала на полу и которую Лера успела постирать и повесить. Отсоединил старую подводку, вынул её, и Лера увидела: на гибком шланге, у самого штуцера, была трещина, а металлическая оплётка в одном месте распустилась.

— Вот, — сказал он, поднимая шланг. — Ей лет восемь. Хомут стоял криво, шланг тёрся о край шкафчика. Это не вчера лопнуло, это полгода назревало.

— И что, это было видно?

— Видно. Если заглянуть.

Он установил новую подводку, затянул соединения, осторожно открыл старый кран и проверил, не подтекает ли под мойкой. Под мойкой ничего не капало. Потом он вытер руки и стал собирать инструменты.

— В ванной подводка такая же старая, — сказал он. — Я туда не полез, это не моё дело, но вы знайте. И розетка у раковины без защиты. Если её зальёт — будет весело.

— Спасибо.

— Не за что. — Он вынул из сумки блокнот, вырвал листок и начал писать: быстро, косыми строками, цифры столбиком. — Вот список. Кран на кухне нужно заменить с согласованным отключением воды. Ещё проверьте подводку в ванной и розетку у раковины. Электрика вызовите отдельно.

— А вы почему остальное не сделаете?

Илья поднял на неё глаза.

— Потому что вы всё равно будете проверять за мной каждую гайку, — сказал он. — И я вас понимаю, но мне это надоест на второй день.

Он сложил листок пополам, потом ещё раз, и протянул ей.

— Держите. Чтобы вас не развели.

Лера взяла бумажку.

Тут она вспомнила про Анну Павловну.

— Нам надо к соседке, — сказала она.

— Нам?

— Мне. — Лера надела пальто. — Вы говорили, у неё течёт по стене. Если у неё течёт из моей квартиры, это моя история.

Илья посмотрел на неё секунду дольше, чем требовалось, но ничего не сказал и пошёл первым.

Анна Павловна открыла сразу, будто стояла у двери. На ней был халат, надетый поверх платья, и тапочки с помпонами, и она всплеснула руками при виде Леры — но не удивилась, а будто ждала.

— Заходите, заходите. Илюша, ты сказал, придёшь, — она посторонилась. — Ой, а я и не прибралась.

Квартира под материнской была с той же планировкой, только зеркальной, и от этого в ней всё казалось сдвинутым. В комнате пахло валерьянкой и мокрыми обоями. На потолке, ближе к окну, расползалось пятно — жёлтое по краю, бурое в середине, — и под ним на полу стоял таз.

— Вот, — сказала Анна Павловна. — Я вчера как увидела — думала, у меня сердце. Я одна тут, если ночью по стене потечёт, я и не услышу.

— Сейчас под мойкой сухо, — сказал Илья. — Подводка новая. Дальше надо сушить.

— Это вы мне скажите, что теперь с этим делать, — Лера кивнула на пятно. — Я вызову инженера из управляющей, составят акт.

— Вот это правильно, — сказала Анна Павловна с неожиданной твёрдостью. — А то был случай, у Ковалёвых с пятого… — она махнула рукой. — Три месяца доказывали.

Она ушла на кухню и вернулась с подносом: чашки, сушки в вазочке, банка с вареньем, на крышке которой засохла капля. Лера хотела отказаться и почему-то осталась.

— Тамара Ивановна в мае мне с лекарствами помогала, — сказала Анна Павловна, разливая чай. Рука у неё дрожала, и она держала чайник двумя руками. — У меня ноги, я в аптеку не всегда дойду. Я ей список писала — она всё приносила, до копейки считала, квитанции мне оставляла. И ни разу не сказала: «Аня, ты мне надоела».

— Она была обязательная, — сказала Лера.

— Обязательная, — согласилась Анна Павловна. — И характер — дай боже. Я ей раз сказала: Тамара Ивановна, коврик у лифта совсем прохудился. Она со мной неделю не здоровалась. А потом коврик появился. Новый. И она виду не подала, что это она его купила.

Лера отпила чай. Чай был крепкий, с какой-то травой.

— Она про меня не рассказывала? — спросила она и сама удивилась, как просто это вышло.

Анна Павловна помолчала. Поставила чашку.

— Раз спросила я её, — сказала она. — Давно, года три назад. «Что ж вы, Тамара Ивановна, одна». Ну, знаете, как спрашивают, ни о чём. А она на меня посмотрела — и я больше не спрашивала. Вот так посмотрела.

— Понятно.

— А в сентябре она какая-то ходила, — вдруг вспомнила Анна Павловна. — Я её встретила на лестнице, она с папкой, усталая. Я говорю: что, Тамара Ивановна, дела? А она мне: «Привожу дела в порядок, Аня». Я ещё подумала — к врачу, что ли, собирается, в больницу.

Лера поставила чашку на блюдце, и блюдце звякнуло громче, чем она рассчитывала.

— А число не помните? — спросила она, и голос вышел ровный.

— Ой, милая, я числа не помню. — Анна Павловна развела руками. — Это уж когда похолодало началось, в сентябре. Я в тот день ещё пальто достала.

Илья в это время стоял у окна и смотрел на потолок, задрав голову, как будто пятно было единственным, что его интересовало. Лера вдруг поняла, что он молчит нарочно, и не смогла решить, что это значит.

— Акт я организую, — сказала она. — И насчёт ремонта — разберёмся.

Анна Павловна посмотрела на неё с сомнением.

— Дочка, я так, чтоб вы знали: я ремонт не потяну. У меня пенсия и всё.

— Я знаю. — Лера встала. — Это из-за нашей квартиры. Я разберусь.

На лестнице, между третьим и четвёртым, она остановилась.

— «Разберусь», — сказала она вслух. — Я даже не знаю, чья это была подводка по документам.

— Подводка в квартире Тамары, — сказал Илья. — Кто и в каком объёме отвечает за ущерб, установят после осмотра. Вы правильную вещь сказали, но теперь надо довести её до конца.

— Спасибо за лекцию.

— Не за что. Пятно надо просушить дня три, потом посмотреть, что с обоями. Если обои отойдут — она вам предъявит.

— А вы бы на её месте предъявили?

— Я бы на её месте уже написал заявление в управляющую. И проверил бы, есть ли страховка. Она сама не станет разбираться. Постесняется.

Вернувшись, Лера первым делом достала визитку и набрала номер.

Трубку взяли после четвёртого гудка.

— Нотариальная контора Гурьевой, добрый день.

— Здравствуйте. Я хочу записаться на приём. Вопрос по наследству.

— Фамилия?

— Морозова. Валерия Андреевна. Наследство Морозовой Тамары Ивановны, она умерла шестого октября.

В трубке постучали по клавишам.

— Гурьева принимает по записи. Ближайшее — тридцатое, на утро, к десяти сорока. Вам подойдёт?

— Подойдёт.

— Возьмите паспорт, свидетельство о смерти, документы о родстве, если есть, и всё, что сохранилось по имуществу. Остальное уточните на приёме.

Лера помедлила.

— А вы не можете сказать по телефону, оставляла ли она завещание?

— По телефону мы такие сведения не даём, — сказала женщина ровно, без интереса, как говорят это по двадцать раз на дню. — Всё на приёме.

— Понятно. Спасибо.

Она положила трубку и посидела минуту, глядя в окно. Тридцатое. Три дня.

Илья вышел из кухни с сумкой на плече.

— Подводку я поменял, — сказал он. — Воду на кухне можно открывать. Если увидите, что под мойкой мокро, — звоните, но, скорее всего, не увидите. А лучше вызовите того, кто даст гарантию, я вам не подрядчик.

— Хорошо.

Она достала деньги. Отсчитала тысячу пятьсот, протянула. Он взял, не пересчитывая, и сунул туда же, куда первую купюру.

— Вот чек и упаковка от подводки, — сказал он, доставая их из сумки и передавая Лере. — Сохраните, там данные о подводке. И квитанции из нижнего ящика не выбрасывайте: там гарантийный талон на кофемашину и на смеситель, пригодится, если что-то потечёт.

Лера замерла с бумажками в руке.

— Откуда вы знаете, что у неё в нижнем ящике?

— Тамара Ивановна сама говорила, — сказал он спокойно. — Она туда всё складывала, по годам. Инструкции, талоны, чеки.

— И вы туда заглядывали.

— Я туда не заглядывал. — Он застёгнул куртку. — Я вам не нравлюсь, я это вижу. Но давайте без этого: если бы я хотел что-то взять из этой квартиры, я бы взял за два года, пока у меня был ключ, и вы бы об этом не узнали.

— Это не ответ.

— Это ответ, — сказал он. — Просто не тот, который вам нужен.

Он открыл дверь.

— Надеюсь, до тридцатого я вам не понадоблюсь. Если что — я во втором корпусе, четвёртый этаж, окна на ваш двор.

— Теперь знаю, — сказала Лера.

— Вот и хорошо.

Дверь закрылась.

Она постояла в прихожей, потом вернулась в кухню — вода из крана шла ровно, тихо, без рычания в трубах — и открыла нижний ящик.

Всё лежало как вчера. Папка, файлы, квитанции. Визитка, которую она ночью положила на стол, лежала теперь между сахарницей и солонкой, текстом вверх, и «14 сентября, 11:40» было видно с другого конца кухни.

Лера села и достала телефон. Нашла переписку с матерью. Последнее сообщение, конец августа, две строчки, которые она так и не открыла. Палец завис над строкой. Потом она заблокировала экран.

Написала в московскую студию: «Задержусь в Петербурге, работаю удалённо, на связи». Подумала и добавила: «Неделю точно».

Потом вытащила чемодан в маленькую комнату — ту, где стоял её письменный стол, ещё школьный, с вырезанными на столешнице буквами, — и стала перекладывать вещи в шкаф: свитер на полку, джинсы, рубашку на плечики. Шкаф был почти пустой, и её одежда в нём смотрелась как чужая.

Дверь в спальню матери она не открыла.

В заметках появился список: отменить вызов слесаря; управляющая — акт; тридцатое, 10:40 — нотариус; обои у Анны Павловны.

Лера посмотрела на этот список и поняла, что теперь у неё здесь есть дела. Не чувства, не разбор вещей, не разговор с мёртвой матерью — а дела, с датами и без сантиментов, и это было единственное, что она умела делать хорошо.

Она выключила свет в кухне и легла на диван, натянув плед до подбородка.

За стеной шумела вода. В доме напротив, на четвёртом этаже, горело окно, и она, прежде чем отвернуться, успела посчитать, что свет там горит второй вечер подряд.

«Три дня», — подумала она.

Три дня — это было очень мало для наследства и очень много для человека, который собирался приехать, закрыть дверь и больше сюда не возвращаться.

Глава 3

Глава 3. Чужие чашки

Двадцать восьмого октября, в среду, Лера проснулась в шесть сорок и первым делом поняла, что в квартире пахнет её шампунем.

Не матерью, не старым деревом и не остывшим чаем, а дешёвым шампунем из дорожной сумки, которым она мыла голову вчера в ванной, где кран с горячей водой надо было поворачивать заранее и с силой. Запах держался в прихожей и в маленькой комнате, у шкафа, куда она вчера переложила вещи. Квартира начала пахнуть ею, и это было неприятнее, чем она ожидала.

Будильник она отключила, не дожидаясь звонка. В кухне уже была вода — новая подводка работала тихо, без гула, и от этого тихой казалась вся квартира. Лера сварила кофе в турке, на этот раз удачнее, и села с чашкой на подоконник в большой комнате, потому что за столом сидеть было нельзя: стол был завален.

Вчера вечером она смела туда всё, что вытащила из серванта, и теперь смотрела на это как на чужой проект, к которому её позвали консультантом. Сорок шесть метров. Две комнаты. Высокие потолки. Хорошая история у дома и полное отсутствие денег у заказчика — так она сказала бы про эту квартиру, если бы кто-то попросил её оценить в двух словах.

Кофе она допила и начала работать.

Разбирала она не вещи, а слои — так было проще. Личные вещи матери в большой комнате она пока не трогала, оставила их на конец, и первым делом взялась за маленькую комнату, где стоял её школьный стол с вырезанными на столешнице буквами и где за семь лет, судя по всему, ничего не менялось. Здесь она и увидела то, чего не заметила в первый день.

Плинтус. Новый, пластиковый, прибитый поверх старого деревянного — старый торчал в углу за шкафом, облупленный, выкрашенный когда-то в цвет пола. Обои в маленькой комнате были переклеены, но кусок за шкафом остался прежний, с мелким выцветшим рисунком, — значит, шкаф не отодвигали, клеили вокруг. Розетки стояли новые, с заземляющими контактами, но выше прежних гнёзд, и под ними виднелись аккуратно зашпаклёванные пятна. Пол у окна — три плашки паркета светлее остальных.

У Леры была профессиональная привычка, от которой она иногда уставала: видеть, в каком порядке и в какой последовательности сделан ремонт. Здесь порядок читался сразу. Никто не делал эту квартиру целиком. Её чинили — по частям, по мере того как ломалось, каждый раз самым дешёвым способом, который позволял продержаться ещё немного. Так поступают не тогда, когда собираются жить по-новому. Так поступают, когда собираются жить дальше.

В прихожей она остановилась и посмотрела на крючок для верхней одежды. Он был привинчен на полторы ладони выше того места, где висел прежний, — там осталась дырка, замазанная шпаклёвкой. Мать была ниже Леры на полголовы и вешала пальто не глядя. Такой крючок мог поставить человек, который не думал о том, как удобно матери, а думал о том, как удобно ему.

Лера достала из сумки рулетку, измерила и записала в блокнот: «крючок — 174». Зачем — она и сама не сказала бы. У неё был список «что менять перед продажей», и крючок в него пока не входил.

К десяти она разобрала маленькую комнату: две коробки на выброс, одна — «в Москву» (детские фотографии, папка со школьными грамотами, чугунная ступка, которую мать всегда держала на кухне и в которой толкла перец, хотя перец у неё был молотый), и мешок с одеждой, которую можно отдать. Мешок она вынесла в прихожую и поставила у двери.

Потом дошла очередь до кухни.

Три тёмные чашки стояли в шкафчике там же, где она их увидела в первый вечер. Лера вынула одну, повертела в руках. Толстые стенки, простая форма, тёмно-коричневая глазурь, снизу — ничего, ни клейма, ни страны. Такие не дарят и не выбирают долго. Такие покупают, потому что нужны чашки.

Она поставила рядом все три и посмотрела на них, как смотрят на образец.

В шкафчике была ещё посуда — несколько материнских чашек, тонких, с золотой каймой, которые в её детстве доставали два раза в год: на Новый год и когда приходила тётя Валя с работы. Из такой чашки Лера вчера не выпила ни глотка, потому что не смогла.

А из этих — пила. Вчера утром, вчера вечером. И, судя по тому, что тёмные чашки стояли не в глубине, а в первом ряду, мыли их часто.

Она достала из-под мойки мусорный пакет и сложила чашки туда — одну за другой, не глядя, как складывают то, что не хочется держать в руках. Пакет поставила у двери, рядом с мешком одежды. И весь следующий час ловила себя на том, что прислушивается: не звякнуло ли там что-нибудь.

В двенадцать позвонил мастер из службы мелкого ремонта, вызов которой Лера отменила вчера вечером.

— Я по адресу, — сказал он бодро. — Подводка. Вам сегодня после шести удобно?

— Я отменила.

— Ага. А я всё равно еду мимо. Может, посмотреть что-то ещё надо?

— Не надо, — сказала Лера и положила трубку, чувствуя себя грубо, но правильно. Ей не нужен был человек, который «едет мимо». Ей нужен был порядок.

Порядок она навела к часу: папки из нижнего ящика — на стол, по годам, как лежали. Мать подписывала файлы сама, аккуратным почерком человека, который всю жизнь заполнял бланки: «2020», «2021», «2022». В каждом — квитанции за коммунальные услуги, чеки из «Максидома», гарантийные талоны, сложенные вчетверо инструкции.

Лера разложила это перед собой и стала читать подряд, как читают чужую смету.

Двадцать второй год: смета на сто сорок восемь тысяч от подрядчика, который снял в большой комнате часть обшивки и исчез. Копия претензии, распечатанная в двух экземплярах, — мать, наверное, печатала в библиотеке или у знакомых, своей техники у неё не было. Ответа на претензию в папке не лежало. Двадцать третий: вызов электрика, замена двух розеток, чек на восемьсот рублей. Двадцать четвёртый: полотенцесушитель в ванной. Двадцать пятый: дверь в маленькую комнату — стругали, потому что разбухла от сырости.

И везде, в углу квитанций, её мелким почерком: «И. — суббота», «И. — после обеда», «И. — принёс». Как пометки в календаре, а не как записи о деньгах.

Лера перевернула лист. На обороте одной из квитанций мать вела столбик цифр — не расходов, а чего-то другого, с плюсами и минусами, но столбик был перечёркнут дважды, так что разобрать не получилось. Она отложила лист в сторону.

В файле за двадцать пятый год лежал чек из «Максидома» на кофемашину — талон на гарантию был оформлен на «Морозову Т. И.», аккуратно, как всё остальное. И рядом, между чеками, — ещё один, короткий: «Набор чашек керамических, 6 предметов».

Лера посмотрела на дату. Март.

Она вспомнила три тёмные чашки, которые сама недавно убрала в пакет у двери. Перечитала чек: шесть.

Шесть предметов, март, «Максидом», четыреста девяносто рублей. Мать, которая всю жизнь считала каждую копейку и покупала посуду только «по случаю», пошла в строительный магазин и купила набор простых толстых чашек. Не сервиз. Не «на праздник». Просто посуду, чтобы пить из неё каждый день.

Шесть предметов — это могли быть три чашки с блюдцами. Или шесть чашек, половина которых разбилась. Или вообще другой набор. По одному чеку не понять. Лера поймала себя на том, что пытается решить эту задачу, словно от ответа что-то зависело.

Спросить было не у кого, и впервые за эти дни она подумала о вещи, которая была не обидой, а чем-то гораздо более неприятным: она не знала даже того, из каких чашек её мать пила чай.

Потом Лера открыла платяной шкаф в большой комнате и нашла коробку с остальной частью старого сервиза.

Она лежала на верхней полке, из-под обуви, каждая чашка завёрнута в газету, каждая тарелка проложена бумажной салфеткой. Большая часть сервиза была здесь, целая, без щербин. Мать завернула его и убрала наверх — так убирают то, что больше не нужно, но выбросить жалко.

Лера держала в руках чашку с золотой каймой и не могла сообразить, что её так задело. Что мать перестала доставать сервиз? Что она не отдала его ей, не написала, не сказала? Или то, что человек, который всю жизнь берёг вещи «для гостей», в какой-то момент решил, что гостей больше не будет, а чай всё равно надо пить каждый день?

Она завернула чашку обратно в газету, сложила коробку и поставила на полку так же, как стояла.

В два часа пришла женщина из управляющей компании — невысокая, в пуховике поверх форменной куртки, с планшетом и фотоаппаратом на ремне. Её звали Ирина, и она сразу попросила воды, потому что шла пешком с Малого.

— Так, — сказала она, ставя сумку на пол в прихожей. — Показывайте, что у вас.

Лера показала. Ирина сфотографировала шкафчик под мойкой, новую подводку, старый кран, следы высохшей воды на дне шкафчика, разбухшую заднюю стенку. Потом попросила открыть кран и закрыть, послушала трубу, записала что-то в планшет.

— Подводка, говорите, лопнула? — уточнила она.

— Вчера её заменили. Старую я не выбросила.

Лера достала повреждённый шланг из пакета с инструментами, оставленного под мойкой. Ирина осмотрела его, сфотографировала трещину возле штуцера.

— Похоже, причина в нём, — сказала она. — В акте укажем, что установлено при осмотре. Окончательные выводы по одному шлангу я делать не стану.

— А кран?

— Кран на кухонной линии тоже надо смотреть. Замена — через заявку, с отключением стояка, если иначе нельзя. Мы предупредим жильцов. Напишете заявление — поставим в график.

— Когда?

— Ну, — Ирина посмотрела в планшет, — скорее всего, в ноябре.

Она поднялась на третий этаж, и там, в квартире Анны Павловны, всё повторилось: фотографии пятна, замеры, вопросы про дату и время. Анна Павловна стояла рядом в халате, сложив руки на груди, и отвечала подробно, с повторениями, как отвечают людям, от которых ждут подвоха.

— Так, — сказала Ирина, закончив. — Акт оформим по результатам осмотра. Копии сможете получить в управляющей. По возмещению лучше сначала определить размер ущерба. Сумму пока никто не называет.

— А если я не хочу судиться? — спросила Анна Павловна.

— Тогда можно попробовать договориться, — Ирина кивнула в сторону Леры. — Между собой. Но сначала зафиксируйте повреждения.

— Я готова договориться, — сказала Лера.

Анна Павловна посмотрела на неё и ничего не ответила — только плотнее запахнула халат. И Лера вдруг поняла, что соседка ей не верит, и не потому, что та плохо о ней думает, а потому, что за свою жизнь наслушалась обещаний от людей, которые потом переставали открывать дверь.

— Страховки на квартиру нет, — сказала Лера, когда они с Ириной вышли на лестницу. — Я смотрела бумаги. Полис был, но кончился в девятнадцатом.

— Бывает, — сказала Ирина. — Сейчас многие страхуют. На будущее — имейте в виду.

Слово «будущее» прозвучало в её устах так буднично, что Лера не сразу сообразила, что её только что записали в людей, у которых здесь есть будущее.

Ирина ушла, пообещав сообщить, когда будет готов акт. Лера вышла проводить её до ворот — и во дворе увидела Илью.

Он стоял у стены второго корпуса, в той же тёмной куртке, но с другой стороны двора, и это было странно: за два дня она привыкла видеть его на своей площадке, в своей прихожей, у своей мойки. Здесь, внизу, среди чужих окон, он был просто мужчиной, который приставил к стене лестницу и что-то крепил на водосточной трубе, задрав голову. Рядом на асфальте лежал моток проволоки и стояла сумка с инструментом.

Она подошла, сама не зная зачем.

— Здравствуйте, — сказала она. — Извините. Вы не помните, кто делал ремонт у матери в двадцать втором? Те подрядчики, которые стену разобрали.

Илья обернулся, посмотрел на неё сверху вниз, потом спустился на две ступени.

— «СтройПрофи», — сказал он. — Фирма потом закрылась. Тамара Ивановна собиралась судиться, даже претензию подготовила, но там было не с кого взыскивать. Она бросила.

— А документы сохранились?

— У неё в папке всё должно быть. Претензия, смета, чеки. Она не выбрасывала ничего.

Лера кивнула. Она уже видела эту претензию — и теперь на секунду ей стало неловко, что она спрашивает человека о том, что могла бы прочитать сама, если бы взялась за папки раньше.

— Ещё вопрос, — сказала она. — Кран на кухне надо менять. Вы сказали, через управляющую. Там график на ноябрь.

— Значит, ноябрь.

— Вы можете посмотреть, когда поставят? Я не хочу, чтобы пришли без предупреждения.

Илья вытер руки о тряпку, висевшую у него на поясе.

— Я не работаю в вашей управляющей, — сказал он. — Я в соседней, по второму корпусу. В вашу я могу только позвонить, и то не по делу.

— Хорошо. Я поняла.

Он взял лестницу и переставил её на полметра, к следующему хомуту. Лера стояла внизу и понимала, что надо уходить, и не уходила.

— Можно я спрошу? — сказала она. — Не про ремонт.

Илья обернулся.

— Про мать.

— Нет, — сказал он сразу.

— Я даже не сказала, что именно.

— Всё равно нет. — Он поднял с асфальта моток проволоки, отрезал кусок. — Я вам не расскажу, какой она была последние годы. Не потому, что мне жалко или я что-то скрываю. Потому что это будет моя версия, а вам нужна ваша.

— А если моя версия неправильная?

— Тогда вы сами это поймёте, — сказал он. — Или не поймёте. Но не от меня.

Он полез наверх и начал крепить проволоку к трубе, и разговор был окончен так же естественно, как и начался, — не обидой, а делом. Лера постояла, глядя, как он работает, как

у него мёрзнут пальцы и он дышит на них, и вдруг сообразила, что за все эти дни ни разу не спросила, что у него самого происходит в жизни. Что у него, возможно, есть эта самая жизнь, в которой он с утра до вечера лазает по чужим стенам, а не только их с матерью квартира.

— Спасибо, — сказала она громко, снизу. — За подводку. И за список.

Он поднял руку, не оборачиваясь, — короткий жест, означавший «ладно, идите».

Дома она вымыла руки, просмотрела фотографии повреждений, которые сделала при Ирине, и убрала телефон. Потом села за стол и стала собирать папку для нотариуса.

Паспорт. Свидетельство о смерти — оно лежало в той же папке, в отдельном файле, и Лера не стала рассматривать его долго, только проверила, что все данные читаются. Договор передачи квартиры в собственность, девяносто третий год, потрёпанный, с печатью. Технический паспорт. Квитанции об оплате за последние месяцы — на случай, если спросят о долгах. Выписку из ЕГРН она заказала вчера через приложение и теперь проверила, что заказ прошёл.

Всё это она сложила в синюю папку с завязками, какую обычно держала для сдачи проектов, и подписала стикером: «30.10, 10:40. Гурьева».

Потом посмотрела на пакет у двери.

Чашки всё ещё лежали в нём — три тёмные, тяжёлые, ручки торчали наружу. Лера постояла над пакетом, потом вынула их, отнесла к раковине и вымыла по одной, хотя они были чистые.

И поставила обратно в шкафчик, в первый ряд.

За окном стемнело рано, как темнеет в конце октября, — не постепенно, а сразу, будто кто-то закрыл ставень. В доме напротив зажглись окна. Лера налила себе чаю — крепкого, как пила мать, — и села с ним к столу, где лежала синяя папка.

Чашка была тёплая и тяжёлая, и в ней не было ничего особенного. Просто чашка из тех, что мать стала покупать и ставить на первый ряд вместо праздничного сервиза.

Лера отпила и поняла, что за все эти дни она ни разу не спросила себя простого вопроса: а что ещё её мать успела изменить в своей жизни после того, как они перестали разговаривать? Чашки, крючок, кран, коврик у лифта, кофемашина, папка с бумагами по годам — всё это были следы человека, у которого была своя, отдельная, устроенная им самим жизнь. Лера приехала думать, что знает эту квартиру. Оказалось, она знала только её прежнюю версию.

Она допила чай и пошла спать — в маленькую комнату, на свою старую кровать, под которую пришлось подложить сложенное одеяло, потому что пружины за семь лет просели.

Папка с завязками осталась на столе. До приёма было меньше двух суток.

Глава 4

Глава 4. Не для продажи

Двадцать девятого, в четверг, Лера поняла, что за четыре дня научилась просыпаться без будильника — оттого, что в шесть сорок за стеной начинали ходить трубы.

Она полежала, слушая, как в стояке что-то переливается и стихает, и наконец встала. Под ножку старой кровати в маленькой комнате было подложено сложенное одеяло, но просевшие пружины от этого не становились лучше, и у Леры ныло в пояснице так, будто она ночевала в поезде.

К девяти она уже сидела за столом с ноутбуком и кружкой, в которой остывал чай, и разбиралась с санузлом на Крылатских холмах.

Проблема была мелкая и от этого раздражающая. Заказчица хотела зеркало с подсветкой и вывод для фена над столешницей, а линия была зашита плиткой ещё две недели назад — Даша, младший дизайнер, дала монтажникам добро на затирку, не сверившись с утверждённым листом. Теперь выходило: либо вскрывать стену и переносить кабель, либо искать другое решение.

Лера открыла чертёж, повернула его, посмотрела на разрез и поняла, что решение есть.

— Не вскрываем, — сказала она в трубку. — Зеркало ставим на выносную панель двадцать пять миллиметров, розетку выводим в её нижнюю кромку. Панель заказываем у столяров, не у плиточников. И в следующий раз, Даша, ты сначала звонишь, а потом говоришь «затирайте».

— Я думала, это в допуске.

— Оно было бы в допуске, если бы ты посмотрела лист. — Лера закрыла глаза и сосчитала до двух. — Ладно. Заказчице я позвоню сама.

Даша сказала «хорошо» очень тихо и положила трубку. Лера отложила телефон и почувствовала знакомое: раздражение прошло, а дело осталось сделанным. Чужой санузел в Москве разобрался за четыре минуты. За четыре дня в этой квартире она не разобралась ни с чем.

В одиннадцать написал владелец студии: «Лер, ты когда? У нас Балашиха на носе». Она ответила: «Работаю удалённо, не выпадаю. По срокам напишу в понедельник». Потом посмотрела на чат с заказчицей с Крылатских, набрала сообщение, стёрла, набрала заново — мягче, — отправила и подумала, что с людьми на расстоянии у неё выходит лучше, чем с людьми в одной комнате.

После обеда она взялась за то, ради чего, собственно, приехала.

Взяла рулетку, блокнот и телефон и пошла по квартире так, как ходила по объектам: от двери, по часовой, ничего не пропуская.

Прихожая: три с половиной квадрата, узкая, но с нишей, куда спокойно встаёт шкаф по заказу — это плюс, покупатели такое считают. Электрощиток старый, пробки, автоматов нет. Кухня: девять метров, окно во двор, вентиляция работает, но решётка прикручена саморезом «на живую». Газовая плита, счётчик со сроком поверки — Лера сфотографировала счётчик отдельно, потому что за него на просмотре всегда цепляются.

Большая комната: девятнадцать метров с небольшим, два окна, три двадцать до карниза, лепнина целая, по карнизу ни одной трещины — редкость. Паркет в средней части «солнышком», по краям вытерт до светлого. Маленькая комната: четырнадцать метров, окно во двор, стены под обои, на потолке у окна серое пятно от старой протечки, закрашенное, но проступившее.

Она открыла в телефоне заметку и начала список — так, как делала сметы для подрядчиков: работа, объём, приоритет.

Кран на кухонной линии — замена, по заявке УК, ноябрь.

Подводка в ванной — превентивно.

Розетка у раковины — влагозащита.

Потолок в маленькой — зачистка, грунт, покраска. Пятно может вернуться, если стояк не в порядке.

Паркет — циклёвка по всей площади. Или не циклевать, а класть сверху? Она задумалась и написала: «циклёвка — да, пол это главный аргумент».

Обои в обеих комнатах — под покраску, нейтральные.

Окна — деревянные, родные, створки ходят. Не менять. Покрасить, поменять уплотнитель.

Восьмым пунктом она хотела написать «вынести всё лишнее», но не написала.

Она дошла до кухни и остановилась у плиты. Там, у стены, между газовой трубой и банкой с солью, всегда стояла чугунная ступка. Вчера Лера положила её в коробку «в Москву» вместе с другими вещами из маленькой комнаты. Теперь пустое место почему-то бросалось в глаза.

Лера вернулась в маленькую комнату, открыла коробку и достала ступку.

Тяжёлая, килограмма три. Внутри — серый налёт от времени и тёмные точки на дне, следы от пестика. В детстве Лера любила стучать пестиком просто так, ни по чему, за что получала по рукам и всё равно возвращалась. Мать ставила ступку на плиту, у стены, между газовой трубой и банкой с солью, и там она стояла годами. Её почти не двигали, даже когда мыли плиту, — обходили.

Лера подержала ступку в руках, потом отнесла на кухню и поставила на прежнее место. Отступила к двери, посмотрела. Так было привычнее.

Она сфотографировала кухню — общий план, от двери, ровно как снимала объекты.

Потом сняла прихожую, обе комнаты, вид из окна, подъезд с лестницы, двор из арки. Двадцать три кадра. Она просмотрела их на телефоне, и профессиональная часть головы уже работала: тут пересвет, здесь в кадр попала коробка, а этот ракурс вообще не нужен.

В половине третьего она позвонила риелтору.

Телефон она нашла на карте — агентство в двух остановках, отзывы нормальные, фамилия Андрей Снопков. Он взял трубку наулице, судя по ветру.

— Слушаю.

— Здравствуйте. Я по поводу оценки и возможной продажи. Квартира на Петроградской, двухкомнатная, сорок шесть метров, четвёртый этаж. Но у меня сложная ситуация: наследство ещё не оформлено.

— Так, — сказал Андрей. — Тогда сначала к нотариусу. Пока не понятно, кто наследники и какие у вас будут документы, говорить о сделке рано. Но по состоянию квартиры и подготовке к продаже можем поговорить.

— Я и не собираюсь ничего подписывать. Мне нужно понять порядок и примерно, на что рассчитывать.

— Если в общих чертах: открываете наследственное дело, выясняете состав наследников, собираете документы. Обычно свидетельство о праве на наследство выдают после шести месяцев со дня смерти, хотя бывают исключения. Дальше оформляют право в реестре. А вот когда и на каких условиях можно будет продавать, зависит от того, что выяснится у нотариуса.

— Полгода.

— Для обычного наследственного оформления — ориентир такой. Но предварительно оценить квартиру можно и раньше. Я просто не советую сейчас принимать деньги от покупателя или обещать конкретную дату сделки.

Он помолчал, послышался звук, будто он прикуривал.

— Скажите главное: завещание есть?

— Я не знаю.

— Понятно. Тогда тем более дождитесь разговора с нотариусом. Если есть другие наследники, порядок продажи может быть совсем другим.

Лера переложила телефон к другому уху.

— А если там никого нет?

— Тогда, возможно, будет проще. Но я бы сначала проверил документы. По деньгам я по телефону гадать не буду, это несерьёзно. Скажу так: у вас дом хороший, адрес хороший, потолки. Но квартира в «жилом» состоянии, и покупатель сейчас смотрит на две вещи — на ремонт и на коммуникации. Если сделать косметику и не трогать трубы, вам это всё равно припомнят на просмотре.

— Я дизайнер. Я понимаю, что такое подготовка.

— О, это хорошо. Тогда вы понимаете, что я имею в виду. — Он затянулся. — И ещё: для нормальной фотосъёмки я бы убрал личные вещи. Не обязательно всё вывозить сразу, но в кадре их быть не должно. Люди приходят квартиру смотреть, а начинают рассматривать чужую жизнь.

— Уберу.

— Вот. Когда разберётесь с наследством — звоните, посмотрю. А если решите делать ремонт, делайте не под себя, а под рынок. Нейтрально. Поняли?

— Поняла.

Она положила трубку и посидела, глядя в блокнот. «Убирайте». Двадцать три фотографии, семнадцать лет её жизни, чугунная ступка — «убирайте».

Она взяла телефон и открыла заметку со сметой. Потом переименовала её: «Подготовка к продаже».

Слово «продажа» на экране выглядело совершенно нормально.

Около пяти она вынесла к контейнерам две коробки — то, что не жалко, — и во дворе увидела Илью.

Он стоял не один: у люка водопроводного колодца, в куртке с капюшоном и в перчатках, рядом с ним — двое в оранжевых жилетах, и один как раз опускал в люк длинную штангу. На асфальте лежала крышка, из колодца тянуло холодом и сыростью.

Лера поставила коробки у контейнера и подошла.

— Здравствуйте.

Илья обернулся. Кивнул.

— Это по нашему заливу? — спросила она.

— Нет. Плановое. — Он кивнул на люк. — После вашего случая в соседнем корпусе нашли свищ на вводе. Проверяем весь двор, пока тепло.

Она постояла. Один из рабочих что-то крикнул, Илья ответил коротко и вернулся к ней.

— Вы акт получили?

— Обещали на следующей неделе. Ирина сказала, что оформит по результатам осмотра.

— Хорошо. Соседке скажите, чтобы фотографии пятна не удаляла. И не закрашивала потолок, пока повреждения не зафиксируют для оценки. Некоторые начинают ремонт сразу, потом сложнее разобраться.

— Скажу.

Он снял перчатку, чтобы посмотреть на телефон, и Лера, сама не зная зачем, сказала:

— Я тут составляю список работ. Перед продажей.

Илья поднял глаза.

— Перед продажей, — повторил он.

— Да. Косметика, кое-что по коммуникациям, что можно сделать без согласований. Потом выставлю.

— Кран поменяли?

— Нет. Заявление в ноябре.

— Тогда я бы начал с него, — сказал Илья. — И с розетки у раковины. В маленькой комнате ещё пятно на потолке: надо понять, откуда была вода, прежде чем закрашивать.

— Всё это у меня в списке.

— Хорошо. Просто если сначала сделать отделку, а потом выяснится, что стояк снова течёт, придётся вскрывать уже готовое.

— Я понимаю. Я умею считать бюджет, Илья. В отличие от некоторых подрядчиков.

Он посмотрел на неё.

— Вот именно о них я и вспомнил, — сказал он. — В двадцать втором Тамаре Ивановне насчитали сто сорок восемь тысяч, сняли обшивку и ушли. После них пришлось разбираться, что осталось под стеной.

— И вы думаете, я собираюсь сделать так же?

— Нет. Я думаю, вы торопитесь. Это не одно и то же.

Лера почувствовала, как у неё теплеет лицо.

— Я не собираюсь никого обманывать.

— Я этого не говорил. — Илья помолчал. — Просто вы здесь ненадолго, а проблемы с трубами могут остаться надолго. Я с ними каждый день работаю, поэтому и говорю.

— То есть вам удобно, чтобы я всё доделала, — сказала она наконец. — За свой счёт и до того, как уеду.

Илья вытер руки о тряпку, висевшую у него на поясе.

— Мне удобнее, когда сначала чинят то, что течёт, а потом красят стены, — сказал он. — Но решать вам.

Он кивнул рабочим и пошёл к люку, и на этом разговор кончился. Лера постояла ещё секунду, вернулась к контейнеру, подняла коробки и опустила их внутрь. Почему-то в этот момент ей стало не стыдно и не зло, а обидно так, как бывает в детстве от несправедливого замечания: она сделала всё правильно, а получилось плохо.

Анна Павловна открыла не сразу, и, когда открыла, в квартире у неё работал телевизор на полной громкости — по экрану ходил человек с удочкой.

— Ой, милая. Заходите.

— Я на минуту. — Лера осталась в дверях. — Акт будет на следующей неделе. И вас просят не закрашивать пятно до оценки.

— Да я и не собиралась. — Анна Павловна убавила звук. — А если обои отойдут, их тоже не трогать?

— Сфотографируйте. И чеки, если найдёте, сколько стоили.

Соседка поджала губы.

— Лерочка, вы мне скажите прямо: мне с вами судиться придётся?

— Я надеюсь, что нет.

— А как? — Она смотрела серьёзно, без наезда, просто устало. — Мне соседка говорит: без суда тебе ничего не заплатят. А я не хочу суда, я в этом не понимаю ничего, и на адвоката у меня нет.

— Я хочу договориться без суда, — сказала Лера. — Сначала посчитают ущерб. Потом обсудим, как его возместить.

— А сколько это будет?

Лера открыла рот и поняла, что не может назвать сумму. Не потому, что жадничала, а потому, что не знала ни объёма, ни того, чем всё это кончится с квартирой, которую она ещё не получила в наследство.

— Я не знаю, — сказала она честно. — Я не хочу вам обещать цифру и потом её менять.

Анна Павловна помолчала, потом кивнула, будто услышала именно то, что ждала.

— Ладно. Хоть не врёте. Знаете, я с Тамарой Ивановной в одно время ругалась из-за коврика, а потом она мне с лекарствами помогала. Люди всякие бывают, я не в претензии.

Она оглянулась на прихожую, где у стены стояли два рулона обоев, завёрнутые в старую плёнку.

— У меня с прошлого ремонта остались. Такие же, как в комнате. Если пятно небольшое, может, хватит заменить кусок. А то лежат без дела.

Лера посмотрела на рулоны.

— Пока лучше не трогать. Пусть сначала всё осмотрят и оценят.

— Это понятно. Я просто говорю, что есть.

— Хорошо. Спасибо. Когда будет ясно с ремонтом, посмотрим.

— И ещё. — Анна Павловна придержала дверь. — Вы бы к нотариусу сходили пораньше. Тамара Ивановна в сентябре с папкой ходила, я вам говорила. Я в таких делах не разбираюсь, но папка была толстая.

— Я иду завтра.

— Вот и хорошо. — Она закрыла дверь, и телевизор за ней снова заговорил в полную силу.

Вечером Лера села смотреть свои двадцать три фотографии.

Она просматривала их по одной, отмечая, что убрать: цветы с подоконника, плеер с полки, коробку от обуви. Кадр с большой комнатой был хороший — свет из двух окон, простор, лепнина. Кадр с маленькой тоже, но серое пятно на потолке лезло в угол, и его надо было переснять снизу.

Дошла до кухни.

Общий план, от двери, ровно как надо: стол, шкафчики, плита, окно во двор, серая полоса неба. Всё правильно. И на плите, у стены, между газовой трубой и банкой с солью, стояла чугунная ступка.

Лера задержала палец на экране.

Она уже собиралась обрезать — ступка мешала, она была лишней в кадре, её надо было убрать до съёмки, а не после. Потом подумала, что из этой фотографии получится хороший кадр для объявления, если просто кадрировать правее.

А потом вспомнила, как стучала пестиком по дну — просто так, ни по чему, — и как мать говорила: «Положи. Это тебе не барабан».

Она закрыла фотоальбом, не сохранив обрезку.

Потом открыла заметку «Подготовка к продаже» и посмотрела на пункт восьмой, который так и не написала. Долго смотрела. Взяла телефон, вернулась в список и добавила в конце: «Ступку — в Москву. Остальное — убрать».

Прочитала. Стерла второе предложение. Осталось: «Ступку — в Москву».

Она поставила телефон на стол и сходила на кухню. Ступка стояла на плите, там же, где всегда. Лера взяла её, отнесла в маленькую комнату и поставила на полку — рядом с коробкой, но не в неё. Потом вернулась на кухню, налила воды в чайник и посмотрела на освободившееся место у стены. Пусто. Она постояла так с полминуты и ушла.

Синяя папка лежала на столе, и Лера проверила её в третий раз, хотя знала содержимое наизусть: паспорт, свидетельство о смерти, договор передачи, технический паспорт, квитанции, подтверждение заказа выписки. Сверху — стикер: «30.10, 10:40. Гурьева».

На телефон пришло напоминание, которое она поставила ещё утром: «Нотариус. Малый пр., 10:40. Взять папку».

Завтра надо было встать в восемь, доехать, найти дом, отсидеть очередь, ответить на вопросы. Лера выключила свет в кухне и прикрыла дверь в большую комнату — там было холоднее, чем в маленькой.

Она легла, натянула плед и подумала без всякого волнения, деловито, как о пункте в списке: завтра нотариус, потом ожидание, документы, ремонт, продажа. Всё по порядку. Она умела работать по порядку.

За стеной в трубах что-то перелилось и стихло — привычный уже звук, часть дома, часть ночи.

Глава 5

Глава 5. Половина

Вечером двадцать девятого Лера легла поздно и всё равно проснулась на следующее утро, тридцатого октября, в семь, за час до будильника, оттого что кто-то во дворе завёл машину и оставил её греться под окнами.

Лера лежала и смотрела в потолок маленькой комнаты. У окна проступало серое пятно старой протечки, которое она вчера внесла в список работ. На полке рядом с коробкой стояла чугунная ступка. Будильник ещё не звонил, и она выключила его заранее.

Проверять папку в четвёртый раз было бессмысленно, но она проверила: паспорт, свидетельство о смерти с фиолетовой печатью, договор передачи девяносто третьего года на двух склеенных листах, технический паспорт, копии квитанций за сентябрь и октябрь. Прочитала вслух адрес конторы, сверила с визиткой. Малый проспект, дом, второй этаж, кабинет три. Десять сорок.

Она надела то, в чём ходила на встречи с подрядчиками: тёмные брюки, свитер, пальто. Подумала и сняла свитер, надела рубашку. Потом снова свитер. В зеркале в прихожей было видно женщину, которая собирается на деловую встречу, и это было правильно, потому что встреча и была деловой.

Последнее сообщение от матери она не открыла. Оно висело в переписке, две строчки, конец августа, и Лера поймала себя на том, что уже второй день обходит его так, как обходят на лестнице человека, с которым поссорился.

В девять двадцать она вышла.

Дождь шёл с ночи, мелкий, почти без капель — просто воздух стал мокрым на ощупь. Асфальт во дворе блестел, у контейнеров кто-то выставил картонную коробку, размокшую до состояния каши. У арки стояла женщина с сумкой на колёсах и курила, придерживая дверь бедром. Лера прошла мимо, кивнула и вышла на улицу.

Она решила идти пешком. До Малого проспекта было недалеко, а времени оставалось достаточно. По дороге попадались люди с мокрыми зонтами, витрины магазинов, закрытые двери кафе. На перекрёстке мужчина в пуховике держал бумажный стакан кофе двумя руками, как держат что-то горячее на улице, и пил через крышку.

Малый проспект был серым и влажным. Магазин с вывеской «Рыба» ещё не открылся, в витрине горела одна лампа, и за стеклом лежали на льду тёмные тушки с раскрытыми ртами. Лера шла по чётной стороне, считая дома, и всё равно чуть не прошла — вывеска была маленькая, а вход в глубине, за аркой.

Контора помещалась на втором этаже, между парикмахерской и какой-то фирмой с заклеенным окном. Лестница была обычная, казённая, с зелёной краской и полосками противоскользящего покрытия на ступенях. На площадке стоял ксерокс и рядом с ним — стопка бумажных стаканчиков вверх дном на подносе.

В приёмной никого не было, кроме женщины за стеклянной перегородкой и мужчины в кресле у стены, который читал телефон и держал на коленях пластиковую папку.

— Морозова? — спросила женщина. — К десяти сорока. Проходите, кабинет три, но сначала — вот, ознакомьтесь.

Она подала лист. Лера прочитала: согласие на обработку персональных данных. Заполнила, отдала паспорт, подождала, пока его отксерят. Всё это заняло минуты три, и за эти три минуты ничего не произошло — просто обычный рабочий день в обычной конторе, где до неё так же сидел человек с папкой на коленях.

Кабинет три оказался небольшой комнатой с одним окном во двор, столом, сейфом и шкафом, забитым корешками. На стене висели рамки с документами, на подоконнике стояла бутылка воды и лежала коробка бумажных платков.

Светлана Анатольевна Гурьева была женщиной лет пятидесяти с небольшим, в тёмно-синем платье и очках на тонкой цепочке. Она встала, поздоровалась, указала на стул и села обратно, положив перед собой чистый лист.

— Слушаю вас.

— Я по наследству. Морозова Тамара Ивановна, моя мать, умерла шестого октября. Я её дочь, Валерия Андреевна.

— Так. — Гурьева записала. — Свидетельство о смерти есть?

Лера положила его на стол.

Нотариус читала документы молча, одну за другой, и в этой молчаливой проверке было что-то успокаивающее. Она сверяла даты, что-то отмечала, вернула паспорт.

— Наследственного дела по Тамаре Ивановне в реестре пока нет, — сказала она, посмотрев на экран. — Последнее место жительства вашей матери — по адресу этой квартиры?

— Да. Она там жила.

— Была там зарегистрирована?

— Да.

— Хорошо. Подготовим заявление, заведём дело. Вы обращаетесь в пределах шестимесячного срока, этого достаточно. Свидетельство о праве на наследство обычно выдаётся после его истечения, в вашем случае — после шестого апреля следующего года, когда будут проверены необходимые сведения.

— Шесть месяцев, — сказала Лера. — Я так и думала.

— Теперь мне нужно проверить сведения о завещаниях. Вы знаете, составляла ли ваша мать завещание?

— Нет. Я нашла у неё визитку с вашим именем. Четырнадцатое сентября, на обороте, её почерком.

Гурьева кивнула, ничего не выразив лицом, и повернулась к компьютеру. Несколько минут она работала с документами и экраном, потом открыла шкаф, достала папку, сверила данные.

— Завещание есть, — сказала она.

Лера сидела очень прямо.

— Здесь? У вас?

— Удостоверено мной четырнадцатого сентября, в одиннадцать сорок. В архиве хранится экземпляр. Содержание также отражено в нотариальной системе.

Она посмотрела на Леру поверх очков.

— Ваша мать распорядилась этой квартирой в завещании. Вы указаны в числе наследников.

— Можно узнать, что именно написано?

— Да. Я ознакомлю вас с относящимся к наследованию квартиры содержанием.

Гурьева раскрыла папку и стала читать ровно, без интонации, как читают всё, что читают на работе каждый день:

— «Морозова Тамара Ивановна... настоящим завещаю из принадлежащего мне имущества: квартиру, находящуюся по адресу... в равных долях: Морозовой Валерии Андреевне — одна вторая доля...»

Лера машинально отметила, что «одна вторая» звучит как-то по-бухгалтерски.

— «...и Воронцову Илье — одна вторая доля».

Тишина в кабинете стояла обычная, рабочая: гудел компьютер, за стеной у парикмахерской кто-то ронял железное, капало с подоконника.

— Простите, — сказала Лера. — Повторите, пожалуйста, вторую часть.

Гурьева повторила. Те же слова, тем же ровным голосом, и от повторения они не изменились.

— Воронцов Илья, — сказала Лера. — Это всё, что написано?

— В завещании есть сведения, позволяющие установить наследника.

— Он живёт в соседнем корпусе? Ему тридцать восемь?

— Место жительства в этом документе не указано. Возраст я сейчас не стану подтверждать по вашему предположению.

Лера считала быстро, как считала всегда — сметы, метраж, сроки. Илье тридцать восемь. Она видела его каждый день. Другого Илью Воронцова мать никогда при ней не называла.

— Этого не может быть, — сказала она.

— Почему?

— Потому что она не знала никакого Воронцова Илью. — Лера услышала, как говорит, и не смогла остановиться. — То есть... я хочу сказать, у неё был один ребёнок. Ей некому больше завещать. Вы понимаете, что это ошибка?

— Завещать имущество можно не только родственникам, — сказала Гурьева. — Само по себе это не ошибка.

— А если это подписала не она?

— Завещание удостоверено мной лично. Личность вашей матери была установлена, она подписала документ в установленном порядке. Если у вас будут основания оспаривать завещание, это судебный вопрос.

Лера положила руки на колени, потому что заметила, что они у неё дрожат мелко, как при ознобе.

— Четырнадцатое сентября, — сказала она. — Это было... за двадцать два дня до смерти.

Гурьева ничего не ответила.

— Я понимаю, — сказала Лера. — Дата сама по себе ничего не значит. Я не о том.

Она замолчала. Нотариус ждала, не подгоняя.

— Можно спросить? Она вам что-нибудь объясняла? Зачем?

— Причины такого решения мне неизвестны, — сказала Гурьева. — И даже если бы ваша мать обсуждала их на приёме, я не стала бы пересказывать её личный разговор.

— Хорошо. Тогда практический вопрос. Что теперь с квартирой?

— Согласно завещанию она предназначена двум наследникам в равных долях. Но это ещё не означает, что второй наследник принял наследство или оформил право на свою долю. Пока мы говорим о содержании завещания.

— И я не могу её продать?

— Всю квартиру самостоятельно — нет. Вы не единственная наследница по завещанию. Сначала необходимо разобраться с принятием наследства и оформлением прав.

— А потом?

— Если оба примете наследство, каждый получит право на свою долю. Продажа квартиры целиком потребует участия обоих собственников. Своей долей вы сможете распорядиться отдельно, но при продаже постороннему лицу нужно будет соблюсти преимущественное право покупки другого собственника.

Лера молчала.

— А если он не захочет ничего? Если откажется?

— Он вправе принять наследство или отказаться от него в предусмотренный законом срок. Последствия отказа зависят от его оформления и других обстоятельств. Сейчас мы не можем исходить из того, что он откажется.

Лера кивнула. Она замечала за собой странную вещь: чем хуже становилось, тем тщательнее она складывала на коленях руки, будто от этого зависел результат.

— Он знает? — спросила она.

— Что именно?

— Что ему завещали половину квартиры. Он знает?

— У меня нет сведений, что он обращался по этому наследственному делу. Но это не позволяет утверждать, знает он о завещании или нет.

— Вы его известите?

— Если будет известен адрес или место работы, направим извещение. Если таких сведений не окажется, предусмотрены и другие способы вызова наследников.

— Он живёт в доме напротив. — Лера сказала это и сама поняла, как это звучит: не как справка, а как жалоба. — Он работал у неё... помогал ей. У него был ключ.

Нотариус наконец посмотрела на неё внимательнее.

— Вы знакомы?

— Несколько дней.

— Тогда, если вы знаете его адрес, сообщите его для наследственного дела. Это поможет с извещением.

Лера не ответила. Адрес она знала только приблизительно: корпус, этаж, дверь, в которую ещё ни разу не звонила.

— А обязательная доля? — спросила она, вспомнив то, что когда-то читала в чужих делах. — У меня её нет?

— Для совершеннолетнего трудоспособного ребёнка само родство такого права не создаёт. Если у вас нет обстоятельств, дающих право на обязательную долю, завещание определяет наследование квартиры.

Лера смотрела на стол.

— Нет, — сказала она. — Таких обстоятельств нет.

Гурьева придвинула бумаги.

— Давайте теперь оформим ваше заявление. Вы принимаете наследство по завещанию?

— Да.

Она начала заполнять бумаги, и это было самое невыносимое — обычные листы, графы, где надо было ставить подпись. Лера подписала заявление о принятии наследства, проверила свои данные и передала документы нотариусу.

— Что мне теперь делать? — спросила она, когда ручка легла на стол.

— Ждать окончания срока и собирать недостающие документы. Сведения о квартире мы проверим, необходимые запросы направим. Если понадобятся дополнительные бумаги, вам сообщат.

— И всё?

— На сегодня — всё, — сказала Гурьева.

Лера взяла папку, но не встала.

— Значит, половина.

— По завещанию — половина, — ответила нотариус.

На улице ничего не изменилось.

Дождь шёл так же, у «Рыбы» всё так же горела одна лампа, кто-то у метро всё так же складывал листовки лодочкой. Лера прошла мимо него, не взяла листовку, потом остановилась и вернулась — взяла, чтобы не стоять на месте.

Она прошла полквартала и поняла, что идёт не в сторону метро.

Села на скамейку у чужого подъезда, достала телефон. Открыла чат со Стасом, арт-директором студии, набрала: «Привет. Скажи, если человек в завещании не родственник, это вообще нормально?» — и стёрла, не отправив.

Потом открыла переписку с матерью. Не то последнее сообщение — просто пролистала вверх, в те места, где ещё что-то было. Поздравления с Новым годом, три года назад, короткие,

сухие. Фотография герани на подоконнике, без подписи. Ссылка на рецепт, тоже без подписи. Мать писала редко и всегда так, будто её за это будут ругать.

Лера заблокировала экран.

Она сидела и думала о трёх вещах одновременно. Первая — что она только что подписала заявление, хотя квартира по завещанию предназначалась ей лишь наполовину. Вторая — что у неё был список, план, риелтор и смета, и всё это теперь годилось только для одной половины. Третья — самая неудобная — что человек, который четыре года приходил к её матери менять подводку и полотенцесушитель, к которому Лера за пять дней привыкла относиться как к чужому мужику из соседнего корпуса, оказался в её семейных документах. В её наследстве. В той самой квартире, куда он входил своим ключом.

Она достала телефон и открыла заметку.

«Подготовка к продаже». Семь пунктов, ступка отдельной строкой.

Лера смотрела на этот список дольше, чем нужно, потом убрала телефон, не изменив ничего.

Домой она шла пешком. Это было сорок минут, и она не помнила, как прошла их.

Во дворе всё было мокро, из колодца, который проверяли вчера, торчала красная стойка с лентой. В окнах второго корпуса горел свет — в трёх на втором этаже и в одном на четвёртом.

Она поднялась к себе, сняла пальто, повесила его на крючок — тот, что на сто семьдесят четыре, — и села на табурет в кухне, не включая света.

Синюю папку она достала из сумки и положила на стол. Внутри остались документы, которые вернула Гурьева, и подтверждение заказа выписки из ЕГРН. Лера вынула визитку нотариуса, которую утром перекладывала в карман, и положила рядом.

«14 сентября, 11:40».

Не «к нотариусу». Не «по документам». Просто время и дата, потому что на четырнадцатое сентября у Тамары Ивановны была запись, и теперь Лера знала, зачем та понадобилась.

Она подумала о том, что мать, вероятно, шла на этот приём пешком по тому же Малому, мимо тех же витрин, в том же пальто, что до сих пор висит в её шкафу. Что она сидела в этом кабинете, отвечала на вопросы, подписывала бумаги. Что она поднялась домой, поставила папку в нижний ящик — и ничего не написала. Ни строчки. Ни сообщения.

Лера встала и начала ходить по квартире — из кухни в прихожую, из прихожей в маленькую комнату, обратно. Третий раз за сегодня она поймала себя на том, что стоит у окна кухни и смотрит во двор, на четвёртый этаж второго корпуса.

Можно было подумать, что он скрывал. Что человек, который два года имел ключ от её квартиры, знал что-то и молчал. Это было удобное объяснение, и оно держалось минут десять.

Но потом Лера вспомнила, как он отдал ей ключ, как спрашивал про кран, как спорил с ней во дворе. Ни в одном его движении не было уверенности человека, который уже считает эту квартиру своей. Хотя откуда ей было знать, как ведут себя такие люди?

И ещё — то, что он сказал тогда, в прихожей, с курткой в руках, глядя на неё без всякой жалости: «Например, мне». Тогда это прозвучало как ответ на её вопрос, а не как признание.

Она не знала, что он думал. Не знала, что мать ему рассказывала.

Оставшаяся версия была хуже. Мать завещала половину квартиры человеку, который не был родственником. Значит, была какая-то причина. Значит, было что-то между ними — не то, что Лера могла придумать в шутку и отмахнуться, а то, что хватило на завещание, на поход к нотариусу, на подпись.

И самое неприятное: Лера не могла подобрать ни одного объяснения, которое не говорило бы о ней плохо. Потому что все они сводились к одному — у матери в последние годы был человек, которому она доверяла больше, чем дочери.

Она села на диван, на плед, который пах чужим порошком, и просидела так минут пятнадцать.

Потом встала, надела пальто, вышла и заперла дверь, проверив нижний замок, — привычным движением, уже без мысли о том, что делает, — и пошла через двор.

Дверь ему открыли изнутри почти сразу, будто он стоял в прихожей. В корпусе было теплее, из квартиры пахло варёной картошкой и мокрой обувью, у порога на полу лежала резиновая дорожка, на которой сохли два ботинка.

Илья был в домашней футболке и трикотальных штанах, в руке держал телефон, и по его лицу было видно только одно: он не понимал, чего от него хотят в половине четвёртого дня, с расстёгнутым пальто и в размокших туфлях.

— Валерия Андреевна?

— Можно войти? — сказала она. — Мне надо вам кое-что сказать. И у меня к вам один вопрос.

Он помедлил, потом отступил в сторону, и она вошла в чужую прихожую, где до неё не было никого из её семьи.

— Я была сегодня у нотариуса, — сказала Лера, снимая пальто. — По наследству. Мать оставила завещание. Квартира завещана двоим, в равных долях.

Он стоял и смотрел на неё.

— Одна половина — мне, — сказала Лера. — Вторая — вам.

Глава 6

Глава 6. Непрошеный наследник

Илья не двинулся с места.

Он стоял в прихожей с телефоном в опущенной руке и смотрел на неё так, как смотрят на слово, которое не удалось прочитать с первого раза.

— Что? — спросил он.

— Квартира завещана в равных долях, — сказала Лера. — Мне и вам.

За его спиной, в кухне, что-то стучало крышкой и шипело. Он обернулся на звук, потом снова на неё.

— Извините, — сказал он. — Одну минуту.

Он ушёл в кухню. Лера осталась стоять с пальто на руке. Щёлкнула ручка газа, крышка звякнула о край плиты, что-то полилось в раковину. Он вернулся, вытирая руки о полотенце, и полотенце потом держал в руках, не помня, куда его девать.

— Ещё раз, — сказал он. — Медленно. Когда это было?

— Четырнадцатого сентября. Тамара Ивановна составила завещание у нотариуса Гурьевой. Я была у неё сегодня утром.

Он кивнул — медленно, будто проверял, сходится ли что-то в его голове. В прихожей было тесно от двоих, и он стоял в этой тесноте, не отступая и не приглашая пройти.

— А вы уверены, что речь обо мне?

— Другого Ильи Воронцова у неё, насколько я знаю, не было.

— Вы не знаете, кто у неё был.

Фраза осталась висеть между ними, и Лера почувствовала, что стоит с пальто, как гостья, которую забыли пригласить раздеться.

— У вас есть документ? — спросил он.

— На руках нет. Мне зачитали содержание, я подписала заявление о принятии наследства.

— Вы подписали, — сказал он. — А я, значит, ничего не подписывал.

— Не подписывали.

Он опять посмотрел на полотенце в своих руках и повесил его на ручку духовки, хотя до крючка у мойки было два шага.

— Можно я сяду? — спросила Лера.

— Да. Извините.

Кухня у него была небольшая и чище, чем Лера ожидала. На столе — ноутбук, тарелка с нарезанным хлебом, кружка, рядом на подоконнике банка из-под кофе, в ней саморезы и свёрнутая изолента. Над плитой висела фольга, прикрывавшая вентиляцию, — так делают все, у кого тянет. Пахло картошкой и ещё чем-то жареным.

Лера положила пальто на спинку стула и села.

Он налил воды в чайник, поставил на плиту, достал вторую кружку — простую, светлую, без рисунка, — и через минуту поставил перед ней. Не спросил, хочет ли. Лера взяла, потому что руки надо было чем-то занять.

— Дословно, — сказал он. — Что нотариус сказала?

— «Из принадлежащего мне имущества — квартиру... в равных долях: Морозовой Валерии Андреевне одна вторая, Воронцову Илье одна вторая». Дальше адрес и другие сведения. Я не запоминала.

— И всё?

— Всё, что относится к квартире.

Он сел напротив, на табурет, и табурет оказался для него низким: колени встали выше стола. Лера смотрела на его руки — большие, с коротко остриженными ногтями, с застарелой ссадиной на костяшке.

— Четырнадцатого сентября, — сказал он. — А умерла она...

— Шестого октября.

— Двадцать два дня.

Он произнёс это ровно, но у него дёрнулась челюсть — один раз, коротко. Он сам этого, кажется, не заметил.

— Сколько вы её знали? — спросила Лера.

— Четыре года. С ремонта.

— С «СтройПрофи»?

— С «СтройПрофи». Она мне потом отдала папку, чтобы я посмотрел смету. Смета была на сто сорок восемь тысяч. Обшивку они демонтировали, половину работ не сделали и ушли.

— И вы остались.

— Я не остался. Я приходил, когда звонила.

— С инструментом. И с ключом.

— Да.

Лера повертела кружку в руках. Глазурь была в мелких точках, на дне — тёмное пятно от чая.

— Она про меня говорила?

Он помолчал.

— Говорила, что у неё есть дочь в Москве. Это и без неё знал весь дом.

— Больше ничего?

— Я не расспрашивал.

— Удобно, — сказала Лера.

— Для кого?

Она не ответила. Ей хотелось спросить прямо, что между ними было, но вопрос уже казался таким, на который любой ответ окажется неправильным.

— Вы же понимаете, что дело не в ремонте, — сказала она.

— Понимаю.

— Тогда объясните мне.

Илья отодвинул кружку.

— Я не знаю, почему она это сделала. И не собираюсь придумывать ответ, чтобы вам стало легче.

Лера села прямее. Внутри у неё всё уже сложилось в три версии, и все три были одинаково неприятны. Благодарность — раз он четыре года ходил сюда с инструментом, делал то, чего не делала дочь. Одиночество — раз рядом не было никого другого. Или что-то, о чём она не знала вообще ничего и о чём сейчас интересовалась так, будто имеет право.

— Семь лет, — сказал Илья.

Она подняла глаза.

— Что?

— Вы говорили, что давно здесь не были. Семь лет?

— Да.

Он не стал уточнять — ни когда это было, ни почему. От этого стало холоднее, чем от любого сочувствия.

Телефон на столе загудел и поехал по поверхности. Илья взял его, посмотрел на экран и сбросил вызов.

— Работа, — сказал он. — Перезвоню.

— Не надо из-за меня.

— Я не из-за вас. — Он положил телефон экраном вниз. — Звонят, чтобы я пришёл и сказал, что делать. Сейчас я не хочу.

Через минуту он спросил:

— А вы представляете, что будет, если об этом узнают во дворе? Здесь все друг друга знают. Сначала будут спрашивать, потом решат, что уже знают ответ.

— Мне сейчас не до соседей.

— А мне придётся с ними жить.

— Я не собираюсь ничего рассказывать.

— Хорошо, — сказал он. — Хоть об этом договорились.

Лера поставила кружку ближе к краю стола.

— Мне нужно понять, что теперь делать с квартирой.

— Давайте.

— Я хочу её продать.

Он не удивился. Кивнул, будто ждал этого с первой минуты.

— Вы уже говорили. Список работ, риелтор.

— Список был до того, как я узнала про завещание.

— Допустим.

— Если мы оба примем наследство, продать квартиру целиком можно будет только вместе. Мне так объяснила нотариус.

— А если я не приму?

— Я не знаю, как тогда всё оформляется. Это лучше спросить у неё.

— Хорошо. — Он побарабанил пальцем по краю стола. — А сколько у меня времени?

— Шесть месяцев со дня смерти. До шестого апреля. Свидетельство обычно выдают после этого срока.

— А вы уже приняли?

— Подала заявление сегодня.

— Значит, вы теперь собственница?

— Нотариус объяснила, что принятое наследство считается принадлежащим наследнику со дня смерти. Но документы ещё оформлять.

— Ясно, — сказал он.

По его лицу не было видно, что ему стало яснее.

— И всё это время квартира...

— Требует денег, — сказала Лера. — За воду, за свет, за содержание. Даже если там никто не живёт, счета приходят.

— Кран поменять бы до зимы, — сказал он как бы между прочим.

— Я собираюсь заняться этим в ноябре. С согласованным отключением воды.

— Значит, ноябрь.

Он ничего не ответил про наследство. За окном было серо; в стекле отражалась кухня — стол, две кружки, две фигуры, — и от этого казалось, что они сидят здесь давно и уже о чём-то договорились.

— Я не могу ответить вам сейчас, — сказал он наконец. — Ни «да», ни «нет».

— Я и не прошу, чтобы вы отказывались.

— Вы просите быстрее.

— Я прошу не тянуть до апреля.

— А если мне понадобится время?

— Тогда я останусь в квартире, которую не могу продать, и буду ждать, пока вы решите.

Он посмотрел на неё и усмехнулся — коротко, без веселья.

— Вы всё решили, — сказал он. — Ещё до того, как узнали, что меня это касается.

— Я не знала, что вас это касается.

— Вот именно.

Лера поставила кружку. Внутри поднималось то самое, от чего она всегда становилась резкой: чувство, что её ставят в положение просительницы в её собственном деле.

— Люди не оставляют половину квартиры за замену крана, — сказала она.

Он встал, отнёс свою кружку в раковину и поставил её туда очень аккуратно, будто считал до трёх.

— За подводку вы мне заплатили, — сказал он. — Тысячу пятьсот за работу. И девятьсот двадцать за материалы. Это всё, что было между нами по тому ремонту.

— Я не о том.

— Я знаю, о чём вы. И отвечать на это не буду.

— Тогда я скажу так. — Лера тоже встала. — Мне не нужно от вас признаний. Мне нужно знать, будете ли вы принимать наследство. От этого зависит, что я делаю дальше.

— Я услышал.

— Это не ответ.

— Это тот ответ, который у меня сейчас есть.

Она взяла пальто. Он не двинулся с места, чтобы помочь.

— Про Анну Павловну не забудьте, — сказал он, когда она была уже в прихожей.

— Что там?

— Акт. И пятно пусть не закрашивает.

— Акт на следующей неделе. Ущерб ещё не оценили, сумму никто не назвал.

— Пока у неё потолок в пятнах, ей всё равно, кто из нас наследник.

— Я это понимаю, — сказала Лера.

— Хорошо.

Она открыла дверь. На площадке пахло чужим ужином и мокрой курткой.

— Валерия Андреевна, — сказал он.

Она обернулась.

— Нотариусу мой адрес сообщите. Вы знаете, где я живу.

— Номер квартиры я не знаю.

Он назвал номер. Лера запомнила его не сразу и попросила повторить.

— Запишите, — сказал Илья.

Она достала телефон, открыла заметки и внесла адрес.

— Я передам.

Дверь закрылась.

На улице по-прежнему моросило. Лера шла через двор, не разбирая луж, и злилась — на него, на себя, на то, что последнее слово осталось за ним, хотя она даже не поняла, в чём оно.

Дома она сняла пальто и повесила его на крючок, привинченный на сто семьдесят четыре, потом включила свет в кухне и долго стояла, глядя на синюю папку.

На столе осталась кружка от утреннего чая — тёмная, тяжёлая, из тех трёх. Лера вымыла её, поставила в шкафчик в первый ряд и закрыла дверцу. Потом достала телефон и открыла заметку «Подготовка к продаже».

Семь пунктов. Кран, подводка, розетка, потолок, паркет, обои, окна. Последней строкой, отдельно от всего, стояло: «Ступку — в Москву».

Лера смотрела на список дольше, чем нужно, и понимала простую вещь: половина этих работ нужна была квартире, половина — покупателю, которого теперь могло не быть. Если Илья не примет наследство, ещё предстояло выяснить, кому достанется его доля. Если примет — Лера будет вкладывать деньги в ремонт квартиры, которой не сможет распоряжаться одна.

Она открыла смету, которую составляла последние дни. В графе «Согласование» везде стояли прочерки. Раньше это ничего не значило: она собиралась согласовывать расходы только с собой.

Позвонил Стас в половине седьмого, и она ответила, потому что не отвечать было глупо.

— Лер, привет. Ты живая?

— Живая.

— Слушай, по Балашихе. Заказчик согласовал только понедельник, десять утра. Ему нужно, чтобы ты приехала лично, с планшетом, и показала раскладку по зонам. Он в прошлый раз отказался с Дашей разговаривать.

Лера посмотрела на визитку на столе.

— В понедельник я не могу.

— В смысле не могу?

— В десять не могу. У меня в Петербурге дела.

— Лера. Это второй раз за неделю.

— Я знаю.

— Ты понимаешь, что это объект на двести сорок метров и что он уже два раза переносил? Он не будет третий.

— Я понимаю.

— Тогда что мне ему сказать?

Лера смотрела на папку и на квитанции, которые лежали в ней с утра, и впервые за эти дни почувствовала, что её расписание её больше не слушается.

— Скажи, что я буду во вторник в девять. Со всей раскладкой. Если он готов двигаться на день — я всё покажу сама.

Стас помолчал.

— Он не готов.

— Да что ж такое, — вырвалось у Леры.

— Лер, я понимаю, но...

— Нет, подожди. — Она прикрыла глаза. — Извини. Скажи, что я позвоню ему завтра сама. Попробую договориться о другом времени или о дистанционном показе. Пока ничего не обещай.

— Ладно, — сказал Стас. — Но мне нужно понимать, что делать, если он откажется.

— Мне тоже.

— Лер...

— Я позвоню завтра. Обещаю.

Она положила трубку и посидела, глядя в стол. Потом записала в заметках: «Сб — заказчик, Балашиха. Пн, 10:00 — пока под вопросом».

В дверь позвонили около восьми.

Она открыла и сначала увидела куртку, а потом лицо. Он стоял без шапки, и уши у него были красные от холода.

— Я записался к нотариусу, — сказал он. — На понедельник. На одиннадцать сорок.

— Зачем вы мне это говорите?

— Потому что хочу, чтобы вы тоже пришли.

Лера прислонилась плечом к косяку.

— Зачем?

— Я хочу сам услышать, что написано в завещании. И узнать, какие у меня есть варианты. Вы сегодня сказали, что нотариус вам всё объяснила. Я тоже хочу поговорить с ней, прежде чем что-нибудь решать.

— Так идите.

— Пойду. Но если вы будете рядом, нам не придётся потом выяснять, кто что услышал.

— Вы думаете, я вам неправильно пересказала?

— Я думаю, что вы сегодня услышали не то, на что рассчитывали. И я тоже. Лучше разобраться без пересказов.

Лера молчала.

— Разве я могу там присутствовать?

— Не знаю. Я спросил, можно ли прийти вдвоём. Мне сказали, что нотариус решит на месте, какую часть разговора можно вести при обоих. Если не получится — поговорю с ней один.

— Вы уже успели всё это выяснить?

— После вашего ухода позвонил. Сначала не дозвонился. Потом объяснил, что узнал о завещании и хочу записаться на консультацию по наследству. Мне предложили понедельник.

— И вы решили, что я свободна.

— Нет. Поэтому и пришёл спросить.

Лера посмотрела на него внимательнее. Днём он говорил так, будто любое её желание продать квартиру было покушением на его право подумать. Сейчас стоял у порога, не входил и, кажется, ждал, пока она сама решит, закрыть дверь или продолжить разговор.

— В понедельник у меня работа в Москве, — сказала она. — В десять утра.

— Тогда, наверное, не получится.

— У меня ещё не решено. Завтра буду разговаривать с заказчиком.

— Ясно. Если не сможете, я схожу один.

— А запись перенести нельзя?

— Можно попробовать. Но следующую свободную дату мне не назвали. Я бы хотел хотя бы узнать, какие документы нужны.

— Вы торопитесь.

— Вы сами просили не тянуть до апреля.

Она не нашлась, что ответить.

— Я не обещаю, что приду, — сказала Лера. — Завтра станет понятно.

— Хорошо. Только сообщите, пожалуйста, заранее.

— Сообщу.

Он отступил на полшага.

— И ещё. Я пока не подавал заявление. Просто записался поговорить.

— Я поняла.

— Не уверен, — сказал он. — Поэтому и говорю.

Она хотела ответить резко, но вместо этого спросила:

— Вы хоть немного понимаете, почему она так сделала?

Он посмотрел на неё. На этот раз не отвёл глаз и не попытался перевести разговор на ремонт.

— Нет, — сказал он.

Лера не знала, поверила ли ему. Но впервые за день ей показалось, что вопрос мучает не только её.

— Тогда до понедельника, возможно, — сказала она.

— Возможно.

Он пошёл вниз. Лера постояла на площадке, слушая его шаги, потом закрыла дверь, повернула верхний замок, потом нижний — и только потом сообразила, что делает.

В кухне она достала из синей папки всё: свидетельство, договор передачи, технический паспорт, квитанции за сентябрь и октябрь, подтверждение заказа выписки ЕГРН. Разложила на столе, как раскладывала на объекте чертежи. Сверху легла визитка: «14 сентября, 11:40».

Она открыла заметки и дописала: «Пн, 2 ноября, 11:40 — Гурьева. Если получится».

Посмотрела на две строки подряд. В одной — московский заказчик, который ждал её с планшетом. В другой — человек из соседнего корпуса, которого её мать сделала наследником половины квартиры.

Она налила себе чаю, села и стала читать бумаги заново — те самые, которые читала уже трижды. Договор передачи девяносто третьего года: две комнаты, сорок шесть метров. Квитанции. Свидетельство с фиолетовой печатью.

Потом снова взяла телефон и открыла календарь.

Понедельник, 2 ноября. Десять утра — Балашиха. Одиннадцать сорок — нотариус.

Она могла сейчас написать Илье, что не придёт. Могла написать Стасу, что не приедет в Москву. Оба сообщения были короткими, каждое решало половину проблемы и создавало другую.

Лера открыла чат со Стасом. Написала: «Завтра сама свяжусь с заказчиком. Пока ничего не отменяй».

Отправила.

Потом открыла переписку с Ильёй. Набрала: «В понедельник пока не обещаю». Посмотрела на слова и стёрла — она уже сказала ему это в дверях.

Вместо сообщения поставила напоминание на субботу, девять утра: «Позвонить заказчику. Решить понедельник».

Телефон лёг на стол рядом с синей папкой.

В его кухне горел свет, и было видно, как он стоит у стола, спиной к окну, и что-то листает — или просто стоит.

Лера выключила экран. До утра она решила больше никому ничего не обещать.

Глава 7

Глава 7. Третья сторона

Напоминание сработало в девять ноль-ноль, и Лера, ещё в постели, услышала его раньше, чем сообразила, где находится.

Телефон лежал на полу у кровати, экраном вверх, и в сером утреннем свете читалось: «Позвонить заказчику. Решить понедельник».

Она села. В маленькой комнате было холодно, батарея под окном еле тёплая — в доме, видимо, ещё не растопили как следует. Ступка на полке стояла там, где Лера её оставила, и от этого комната выглядела обжитой, чего Лера не ожидала и чему не обрадовалась.

Она умылась холодной водой, потому что горячую надо было ждать, и сварила кофе в турке. Пока тот грелся, открыла на ноутбуке папку с Балашихой.

Объект был на двести сорок метров, дом из тех, что строят «под старину», с настоящим камином в гостиной и поддельным кирпичом в прихожей. Лера знала этот проект лучше, чем заказчик: три варианта зонирования, две раскладки, отдельная папка по свету. В прошлый раз заказчик отказался обсуждать всё это с Дашей, сказал: «Я плачу за вас, а не за вашу девочку». Лера тогда проглотила.

Она отпила кофе, посмотрела в окно на серый двор, где из колодца торчала полосатая стойка, — и набрала номер.

— Алексей Викторович? Доброе утро. Морозова, по Балашихе.

— О, — сказал он. — Наконец-то. Мне Стас передал, что вы там в Петербурге что-то решаете.

— Решаю. И поэтому предлагаю вариант. В понедельник в десять я не смогу быть у вас физически. Но могу провести полноценную презентацию по видеосвязи: зоны, раскладка, свет, все три варианта. Планшет у меня с собой, материал я подготовлю в выходные.

— По видео я уже смотрел. Толку ноль.

— Тогда так. — Лера поставила чашку. — Понедельник, десять, видеосвязь. Если после презентации останутся вопросы, я приеду в четверг и покажу всё на месте. Вам не придётся откладывать обсуждение до моего приезда.

В трубке помолчали.

— А что вам мешает приехать в понедельник?

— У меня в понедельник дело, которое нельзя перенести.

— У всех дела.

— У меня тоже, — сказала Лера ровно. — Поэтому я и не отменяю встречу, а предлагаю формат.

Заказчик вздохнул так, что стало слышно в трубке.

— Ладно. В десять по видео. Но если мне не понравится, как вы это покажете, я не буду это обсуждать — я просто не приму.

— Договорились.

— И материал чтобы был готов не за час до.

— В воскресенье вечером пришлю вам папку, чтобы вы посмотрели заранее.

— Вот это разговор, — сказал он и положил трубку первым.

Лера ещё секунду держала телефон в руке. Потом записала в заметках: «Пн 10:00 — Балашиха, видео. Пн 11:40 — Гурьева. Возможно, если презентация не затянется и успею доехать».

Слово «если» она оставила. Оно было честным.

Стасу написала коротко: «Созвонилась. Понедельник 10:00 видео, я готовлю материал. Не отменяй ничего». Он ответил смайликом и «спасибо», и на этом рабочая часть утра закончилась.

В половине одиннадцатого Лера спустилась на третий этаж.

Дверь открыла не сразу, и Лера успела услышать за ней телевизор, приглушённый до бормотания.

— Ой, — сказала Анна Павловна. — Это вы. Проходите, проходите, я думала, опять из управляющей.

В квартире пахло не жареным, как в прошлый раз, а мокрой тряпкой и чем-то кислым. Пятно на потолке подсохло, но обои под ним вздулись, и от угла к люстре шла тёмная полоса.

— Вот, — Анна Павловна подняла голову, не вставая с табурета. — Я его вчера трогала, оно сухое. Но вот тут, смотрите, отошло.

— Вижу.

— И я тут подумала, — она сложила руки на коленях, — у меня муж умер в две тысячи шестом, и я с тех пор ремонт делала один раз, и то сосед помогал. Я в этом не понимаю. Мне надо, чтобы кто-то сказал: вот это надо делать, вот это не надо, и сколько это будет стоить. А то мне одна говорит — судись, другая говорит — сама виновата, что под вами живёт такая же старая труба.

— Вы не виноваты, — сказала Лера.

— Я знаю, что не виновата. — Анна Павловна посмотрела на неё спокойно, без вызова. — Только от этого потолок не сохнет.

Лера села напротив, на второй табурет.

— Акт будет на следующей неделе. Мне Ирина сказала, что оформит по результатам осмотра, но не назвала день. Я ей в понедельник позвоню и спрошу.

— А дальше?

— Дальше нужна оценка. Не моя, не ваша — человек, который посмотрит и напишет, сколько стоит привести это в порядок. С этой бумагой уже можно о чём-то говорить.

— И кто её даёт?

— Оценочная компания. Или можно вызвать независимого оценщика. Я узнаю, кто в вашем районе этим занимается и сколько это стоит. Потом обсудим, как действовать дальше.

Анна Павловна долго смотрела на неё.

— А если вы уедете?

Лера не нашла быстрого ответа. Она всё ещё не знала, сколько останется в Петербурге. Обещать несколько недель только ради того, чтобы успокоить соседку, было бы нечестно.

— Я пока не знаю, когда уеду, — сказала она. — Но завтра или послезавтра эта история не исчезнет. Я свяжусь с управляющей, узнаю про оценку и скажу вам, что выяснила. Даже если буду в Москве, смогу позвонить.

— А потом?

Потолок у соседки был не абстракцией, не пунктом в списке и не статьёй расходов — он был над её головой, и от ответа зависело, будет ли он закрашен в этом году или в следующем.

— Потом будем решать по документам, — сказала Лера. — Я не хочу обещать сумму, которой ещё никто не назвал. Но и оставлять вас без ответа не собираюсь.

— Хоть так, — сказала Анна Павловна. — Знаете, я с Тамарой Ивановной тоже так разговаривала. Она мне: «Аня, я подумаю». А потом приходила с лекарствами. Я к таким людям привыкла.

— Это не комплимент, — сказала Лера.

— Это как посмотреть. — Анна Павловна встала, взяла с подоконника пульт и выключила телевизор совсем. — Я вам вот что скажу. Мне соседка с пятого говорит: теперь эта квартира ваша, вы и платите. А я не хочу, чтобы вы платили из своих. Я хочу, чтобы было по-честному: есть бумага, есть сумма, есть кто платит. Всё.

— Я тоже этого хочу.

— Вот и договорились. — Она проводила Леру до двери. — И ещё, милая. Вы там с Ильей не ругайтесь. Он мужчина хороший, но упрямый как баран. Я его знаю.

— Мы не ругаемся.

— Ну да, — сказала Анна Павловна. — Конечно.

Ирине из управляющей компании Лера позвонила, не отходя от подъезда.

Ирина ответила почти сразу, но говорила из машины.

— Акт? Он в работе. Инженер его подпишет, потом мне на подпись, потом вам копию. Я не могу назвать день, у нас сейчас три залива и одна протечка в подвале.

— А если я приеду в понедельник?

— Лучше во вторник. В понедельник у нас приёмные часы с двух до пяти, но инженера не будет, он на объектах.

— Во вторник акт уже будет готов?

— Я этого не обещаю. Позвоните перед приездом, уточните. Если будет готов — получите копию. Если нет, скажу, когда ждать.

— Хорошо. Тогда во вторник сначала позвоню.

— И имейте в виду: по вашему заливу окончательные выводы по причине делает комиссия. Я вам в акте напишу то, что мы видели. Подводка повреждена, следы воды есть. Всё. Больше я в акт не напишу, у меня нет на это полномочий.

— Понятно.

— И ещё, — сказала Ирина, помолчав. — У Анны Павловны пятно по площади примерно метр на полтора. По обоям — надо смотреть, сколько отходит. Это так, чтобы вы понимали: это не «покрасить уголок».

— Я понимаю.

— Вот и хорошо. Извините, я на въезде.

Она отключилась. Лера постояла у подъезда, глядя, как ветер гоняет по асфальту мокрый лист, и записала в заметках: «Вт — УК, предварительно. Сначала позвонить. Уточнить готовность акта и площадь повреждений. Оценщик — искать».

Потом поднялась к себе, села за стол и открыла новую заметку. Назвала её «Анна Павловна».

Четыре пункта. Акт — уточнить во вторник. Оценка — искать, кто делает, узнать стоимость. Оплата — обсуждать после оценки. Ремонт — после того, как будет понятно, какие работы необходимы и как урегулировать расходы.

Она посмотрела на этот список и поняла, что от продажи квартиры он не зависит вообще.

Днём позвонили в дверь, и Лера открыла, ожидая кого угодно, кроме Ильи.

Он стоял на площадке в рабочей куртке, с планшетом-зажимом в руке, и на этот раз у него был вид человека, который пришёл по делу, а не разговаривать.

— Я на пять минут, — сказал он. — По Анне Павловне.

— Проходите.

Он не разулся, только вытер ботинки о половик, и Лера почему-то отметила это отдельно.

— Я вчера после вашего ухода вспомнил кое-что, — сказал он, положив планшет на кухонный стол. — По стоякам и по её потолку. Решил сказать, пока не забыл.

— Вы что-то выяснили?

— Нет. Я не обследовал ни стояк, ни её квартиру. Это просто то, на что стоит обратить внимание.

Он открыл планшет — под зажимом лежал распечатанный лист в клетку, на нём от руки была нарисована схема стояков.

— Кухонная линия у вас отдельная, кран старый, но держит. Его менять — это отключение воды по стояку, заявка, предупреждение жильцов. Второе — пятно у Анны Павловны. Оно появилось после вашей аварии, это никто не оспаривает. Но если обои отходят за пределами мокрого пятна, я бы не стал без проверки считать, что всё это повреждено именно двадцать шестого. Могла быть влага и раньше. А могла и не быть. По фотографии этого не установить.

— Вы это ей сказали?

— Нет. И не буду, пока нет оснований. Это не заключение. Просто попросите оценщика внимательно посмотреть, где заканчиваются последствия залива.

— Акт — возможно, во вторник.

— Тогда сначала выясните, готов ли он. И прочитайте, что там написано.

— Вы думаете, там могут написать лишнее?

— Не знаю. Поэтому и говорю — прочитайте. Если что-то не соответствует тому, что вы видели, попросите внести замечания. Не подписывайте не глядя только потому, что торопитесь.

Он выпрямился.

— И вот здесь я хочу поставить границу.

— Какую?

— Я не буду заниматься вашим заливом. Ни оценкой, ни ремонтом, ни разговорами с соседкой от вашего имени. Если я начну всё это вести, получится, что я и возможный наследник, и подрядчик, и человек, который объясняет всем, кто виноват. Мне это не нужно.

Лера почувствовала, как внутри поднимается знакомое раздражение.

— А что вы будете делать?

— То, что могу. Если вы спросите про техническую сторону, скажу, на что обратить внимание. Но официальных заключений по вашему дому я не даю. Я здесь не работаю.

— То есть вы мне не поможете.

— Я вам только что сказал, что стоит проверить, прежде чем соглашаться с суммой ремонта. Это помощь. Но дальше — сами. У меня своих дел достаточно.

— Тогда зачем вы пришли?

Он посмотрел на неё без раздражения, будто ждал этого вопроса.

— Потому что вы разбираетесь в ремонте, но не видели, что происходило у Анны Павловны до аварии. И я не видел. Лучше сразу отделить то, что известно, от того, что ещё нужно проверить.

Он сложил планшет.

— А ещё мне не хочется, чтобы из-за этой истории мы снова разговаривали только через претензии.

Лера не ответила. Это прозвучало почти как попытка договориться, но он уже направился в прихожую.

— У меня к вам тоже дело, — сказала она.

Он обернулся.

— В понедельник в одиннадцать сорок я постараюсь быть у Гурьевой.

— Хорошо.

— У меня в десять видеопрезентация по работе. Она может затянуться. И мне ещё нужно будет доехать до нотариальной конторы. Поэтому я пока не знаю, успею ли.

— Понимаю.

— Если пойму, что не успеваю, предупрежу.

— Хорошо, — сказал он ещё раз. — Только одно. Если вы придёте, приходите потому, что сами считаете это нужным.

— Я сама решу.

— На это и рассчитываю.

Он открыл дверь.

— И по акту, — сказал он уже с площадки. — Если будете с ним не согласны, попросите зафиксировать ваши замечания. И сохраните себе копию. Это полезнее, чем спорить потом о том, кто что говорил.

Дверь закрылась.

Лера постояла в прихожей, потом вернулась в кухню и посмотрела на свой список. Дописала пятой строкой: «Акт — проверить содержание, замечания при необходимости».

Никакого сопровождающего она искать не стала. Пока даже не было известно, готов ли документ.

Вечером она сидела над синей папкой и над тремя заметками, разложенными в телефоне, как три колонки на доске.

Первая — «Балашиха»: понедельник, десять, видео; воскресенье вечером — папка заказчику; альтернатива четверг.

Вторая — «Анна Павловна»: вторник, уточнить готовность акта; искать оценщика; расходы обсуждать после оценки; проверить, какие повреждения относятся к заливу.

Третья — «Гурьева»: понедельник, одиннадцать сорок. Присутствие под вопросом.

Она посмотрела на три эти заметки и поняла, что половина дел в них зависит не от неё. Заказчик мог не принять результаты видеопрезентации. Управляющая могла не подготовить акт ко вторнику. Оценщик мог назвать сумму, которую Лера не ожидала. Гурьева могла сказать что-то, чего Лера не предполагала, и разговор с Ильёй в понедельник мог кончиться чем угодно.

Она открыла четвёртую заметку — «Подготовка к продаже» — и посмотрела на семь пунктов. Кран. Подводка. Розетка. Потолок. Паркет. Обои. Окна. И отдельной строкой: «Ступку — в Москву».

Список был составлен для покупателя, которого теперь могло не быть, для квартиры, которой она не распоряжалась единолично, и для денег, которых у неё пока не было.

Лера стёрла заголовок. Написала новый: «Квартира. Что делаю я».

И под ним, одну за другой, четыре строки.

«Кран — согласовать отключение воды с УК, ноябрь».

«Подводка на кухне — заменена 27 октября».

«Розетка у раковины — электрик».

«Потолок в маленькой — не закрашивать до выяснения причины».

Она посмотрела и дописала пятую: «Ступку — в Москву».

Потом открыла чат с Ильёй. Не стала писать длинного, набрала одно: «Понедельник: постараюсь быть. Если что-то изменится — сообщу заранее».

Отправила, не перечитывая.

Телефон лёг на стол. За окном во втором корпусе горело одно окно на четвёртом этаже, и в нём было видно, как человек ходит из угла в угол и что-то делает руками — то ли собирает,

то ли раскладывает. Лера смотрела на это окно дольше, чем собиралась, потом встала, вымыла чашку и поставила её в шкафчик, в первый ряд, к двум другим.

Утром надо было позвонить оценщику.

Глава 8

Глава 8. Неподходящая помощь

В воскресенье пошёл мокрый снег.

Лера увидела его, когда открыла штору: не хлопья, а какая-то серая крупа, которая летела косо, ложилась на подоконник и сразу таяла. Во дворе дворник в оранжевом жилете сгребал воду с крышки люка, из которого вчера торчала полосатая стойка.

Она сварила кофе и включила ноутбук. До десяти разложила на полу маленькой комнаты три распечатанных варианта зонирования — листы пришлось прижать по углам книгами, потому что окно было приоткрыто и бумагу подворачивало. Потом села на пол, как сидела на объектах, и стала смотреть на свою же работу чужими глазами.

Дом в Балашихе был на двести сорок метров, с камином в гостиной, и заказчик хотел в этой гостиной «тишины и воздуха». Воздуха в его понимании означало: убрать всё, что можно убрать, а остальное спрятать в стену. Поэтому в третьем варианте у Леры стоял встроенный стеллаж от пола до потолка — четыреста миллиметров глубиной, семь метров длиной, вдоль стены между окнами и лестницей.

К половине двенадцатого она поняла, что стеллаж стоит там, где нельзя.

Сначала она даже не поняла, что именно её смутило. Просто на плане застройщика по этой стене шла пунктирная линия, а в разделе ОВ — тонкая, как волос, линия канала, и у неё стояла цифра, которая читалась и как триста восемьдесят, и как пятьсот.

Лера увеличила скан до предела. Скан был плохой: застройщик прислал проектные разделы фотографиями страниц, снятыми на телефон, — половина размеров расплывалась, а одна страница была снята с бликом от лампы.

Она вернулась к исходному плану, сопоставила его с развёрткой и отметила участок, который требовал проверки. Встроенный стеллаж мог перекрывать доступ к ревизии дымохода. На имеющихся фотографиях нельзя было установить ни точное положение ревизии, ни допустимые расстояния до конструкций.

Решение, которое ещё вчера выглядело готовым, пришлось пометить как предварительное.

Она отложила ноутбук, сходила за телефоном, позвонила Стасу.

— Слушаю, — сказал он. На фоне играло что-то детское, мультяшное.

— Стас, привет. У меня вопрос по Балашихе. Ты помнишь, там по стене гостиной идёт канал от камина?

— Лер, я в парке с ребёнком.

— Я понимаю. Один вопрос. У нас есть нормальный раздел ОВ от застройщика или только эти фотографии?

— Только фотографии. Я запрашивал, мне сказали, что «всё в проекте». — Он помолчал. — А что случилось?

— Пока ничего. Мне надо посмотреть, где проходит ревизия дымохода.

— А это к тебе?

— Это к стеллажу, который я туда поставила.

— Лер, ну сдвинь стеллаж.

— Я не могу его сдвинуть на глаз. Если я сдвину на глаз и не угадаю, я принесу заказчику чертёж, который он отдаст своему технадзору, и технадзор его завернёт. И будет прав.

Стас вздохнул.

— Дашке напиши.

— Она в Челябинске на свадьбе. Я вчера видела сторис.

— Тогда не знаю. В понедельник у проектировщика спроси.

— В понедельник в десять у меня презентация.

— Лер. — Он сказал это так, как говорят родители. — Покажи как есть. Скажи, что вопрос открыт.

— Тогда он решит, что я не подготовилась.

— А если ты покажешь неверно, он решит, что ты не подготовилась, и ещё заплатит технадзору, чтобы он это подтвердил.

Лера закрыла глаза.

— Ладно. Спасибо.

Она положила телефон и ещё минут двадцать искала в сети. На форумах писали разное: один говорил, что отступ от канала до горючих — триста восемьдесят, другой — что пятьсот, третий советовал «не заниматься самодеятельностью и спросить у проектировщика». Последний был прав, и от этого злил больше всех.

Она отодвинула ноутбук, встала, прошлась по квартире — из маленькой комнаты в кухню, обратно. На столе лежала синяя папка, рядом визитка. За окном шёл снег и не таял только на подоконнике у соседей напротив.

В соседнем корпусе, на четвёртом этаже, в одном окне горел свет.

Она оделась, не позволяя себе додумать мысль до конца, и пошла через двор.

В подъезде второго корпуса пахло мокрой штукатуркой: у лифта стоял поддон и мешок с цементом, на площадке между первым и вторым — стремянка. Лера поднялась пешком на четвёртый, нашла нужную дверь и нажала кнопку.

Открыл он не сразу и не полностью, а на ширину цепочки.

— Валерия Андреевна.

— Здравствуйте. — Она услышала, как глупо это звучит после всего, что было. — У меня вопрос по работе. Не по квартире.

Он помолчал, потом закрыл дверь, звякнул цепочкой и открыл снова.

— Проходите.

В прихожей стояла сумка с инструментом, а на полу лежала снятая дверца кухонного шкафчика с петлями. В кухне на столе были разложены: крестовая отвёртка, саморезы в прозрачной баночке, обрезок фанеры и телефон, который вибрировал и подсвечивался.

— Я на телефоне, — сказал Илья, кивнув на него. — У нас в корпусе сегодня дежурство, могут вызвать.

— Я быстро.

— Вы всегда быстро. — Он взял телефон, посмотрел на экран, сбросил. — Что за вопрос?

Лера открыла ноутбук на столе, повернула к нему экран.

— Вот. Дом в Балашихе, проект. Стена в гостиной, по ней идёт канал от камина и, судя по пунктиру, ещё вентканал. У меня вдоль этой стены стоит встроенный стеллаж. Мне нужно понять, где проходит ревизия дымохода и какой отступ от канала до горючих конструкций.

Илья сел, придвинул ноутбук, поставил два пальца на тачпад и увеличил картинку.

— Это сканы?

— Фотографии.

— Понятно. — Он молчал, разглядывая, наверное, секунд сорок. — Раздел ОВ у вас есть целиком?

— У меня есть то, что прислал застройщик.

— А акт на дымоход?

— Не знаю. Наверное, есть в папке у заказчика.

Он откинулся на стуле.

— Тогда сразу: я вам точный отступ не назову.

— Я и не просила точный.

— Вы просили именно его. Просто другими словами. — Он повернул экран обратно, но руку не убрал. — Смотрите. Дымоход — это не моя специальность. Я эксплуатацией занимаюсь, у меня в корпусах газовые котельные и вентиляция, а не камины в частных домах. Отступ зависит от того, какой дымоход, из чего стена, что написано в паспорте камина. Если я сейчас назову вам цифру, вы её поставите в чертёж, а потом кто-то спросит, откуда она.

Лера села напротив.

— Тогда зачем я пришла?

— Потому что вам кажется, что любой инженер знает любую цифру. — Он сказал это без насмешки. — Понимаете, тут вопрос не в цифре. У вас шкаф может закрывать доступ к ревизии. Даже если отступ сойдётся — ревизию надо обслуживать. Значит, надо проверить, где она находится и как к ней будет обеспечен доступ.

— Люк можно сделать.

— Возможно. Только сначала нужно понять, допустимо ли такое решение. И согласовать его с теми, кто отвечает за дымоход, а не с продавцом шкафов. Потом записать в проекте, а не держать в голове.

Лера молчала. Она ждала другого — формулы, числа, готового ответа, с которым можно идти в понедельник.

— И ещё, — сказал он. — Вы ставите шкаф глубиной четыреста. Он у вас вплотную к камину?

— Нет. Между ними полтора метра.

— Тогда попробуйте для презентации вариант со сдвигом стеллажа. Посмотрите, что получится, если освободить ещё полметра у канала.

— Полметра хватит?

— Не знаю. Это надо проверять по документации. Я сейчас говорю о компоновке, а не о безопасном расстоянии. Может оказаться, что придётся сдвинуть больше или вообще отказаться от этого решения.

Она посмотрела на свой чертёж. Полметра. Один размер, который она не могла проверить по исходным документам, стоил ей двух часов воскресного утра.

— Почему я этого не увидела, — сказала она, не спрашивая.

— Вы увидели, — ответил Илья. — Иначе бы сюда не пришли. Просто теперь вам нужен второй взгляд. Вы смотрите на то, как это будет выглядеть, а я — на то, как это потом будут обслуживать. Обычно в проекте нужны оба.

Она подняла на него глаза, но он уже встал и пошёл к плите, где стоял чайник.

— Чай будете?

— Не надо.

— У меня всё равно уже горячий.

Он налил две чашки — в ту самую светлую и в толстую, тёмную, — и поставил перед ней тёмную. Лера посмотрела на чашку и ничего не сказала.

— Значит, так, — сказал Илья, садясь. — Вы в понедельник показываете стеллаж?

— Показываю.

— Покажите два предварительных варианта: один со сдвигом, второй с возможным доступом через люк. И скажите, что оба требуют проверки. По второму особенно важно получить ответ проектировщика и паспорт камина. Заказчик любит, когда ему дают выбор, но не любит, когда делают вид, что всё уже придумано.

— Вы работали с заказчиками?

— Я работал с подрядчиками. Это хуже.

Лера отпила чай. Он был крепкий, заваренный как попало, и ей почему-то стало от этого легче.

— И ещё, — сказал он. — Один размер на фотографии вы всё равно не прочитаете. Возьмите у застройщика нормальный PDF, раздел ОВ, лист с камином. Если вам не ответят, попросите заказчика запросить документы со своей стороны.

— Я запрошу.

Она кивнула и записала это в телефон, коротко. Илья смотрел, как она пишет, и молчал, пока она не закрыла заметку.

— Теперь второй вопрос, — сказала Лера.

Он поднял бровь.

— Сколько я вам должна за это.

— Нисколько.

— Илья.

— Что «Илья»?

— Вы потратили на меня сорок минут в воскресенье. У вас дежурство. Я не собираюсь делать вид, что мы соседи и я вам за это когда-нибудь принесу торт.

Он поставил чашку.

— Хорошо. Считайте, что это консультация. Только у консультации есть цена, и вы её не заплатите, потому что я не даю заключений. Я вам сказал не «делайте так», а «спросите там-то». Это даже не работа, это разговор.

— Я не люблю быть должна.

— Я заметил.

— Это не характер. Это принцип.

— Тогда у нас с вами есть одна общая история, — сказал он. — Квартира. Я ещё не решил, какое место в ней занимаю, но мне не всё равно, что там происходит. Это не счёт за услугу.

Лера поставила чашку.

— Вот сейчас вы сказали это так, что мне стало ещё неприятнее.

— Почему?

— Потому что вы говорите, что вам не всё равно, а завтра можете пойти к нотариусу и сказать, что вам эта квартира не нужна.

— Могу, — согласился он. — Я и не говорил, что уже решил.

Телефон на столе опять завибрировал, на этот раз дольше и настойчивее. Илья взял его, сказал в трубку: «Да. Где? Понял, иду», — и встал.

— Мне надо в подвал, — сказал он. — У нас там насос.

Лера закрыла ноутбук.

— У меня к вам ещё одно дело.

— Слушаю.

— Завтра в одиннадцать сорок.

— Помню.

— У меня в десять презентация. Я не знаю, сколько она займёт. Если я успею, я приеду. Если нет — напишу.

— Хорошо.

— И ещё. — Она помедлила. — Я не обещаю, что останусь в Петербурге надолго. Но если уеду, это не значит, что перестану заниматься квартирой и вопросом с Анной Павловной.

— Я и не думал, что вы исчезнете.

— Вы думали, что я приехала на неделю и уеду.

— Я и сейчас так думаю, — сказал он спокойно. — Просто теперь думаю, что вы не бросите всё на полпути.

Он надел куртку, взял сумку.

— Если получите нормальный раздел ОВ, можете прислать. Посмотрю, что там с каналом, если будет время. Но проект я вам не проверю.

— Я не просила проект.

— Вот и договорились.

Он вышел первым, придержал дверь, и на лестнице они разошлись: он вниз, к подвалу, она на улицу.

Снег всё шёл. Пока Лера шла через двор, у неё замёрзли руки, потому что перчатки она забыла дома.

Дома она первым делом перенесла стеллаж на чертеже.

Не на полметра, а на шестьсот миллиметров: посмотрела на линию канала, отмерила, отодвинула — и стеллаж стал короче на один модуль. Вместо семи метров получилось шесть метров четыреста миллиметров. Это была только новая компоновка, которую ещё предстояло проверить по документации, но теперь у неё появился вариант для обсуждения с заказчиком.

Она пересохранила файл, потом сделала два слайда вместо одного: «Вариант А — со сдвигом» и «Вариант Б — с возможным ревизионным люком». Под обоими поставила пометку: «Предварительное решение. Требуется проверка по проектной документации и согласование с профильным специалистом».

В пять часов она запросила у застройщика полный раздел ОВ в читаемом виде, а также документацию по камину и дымоходу. В шесть написала Алексею Викторовичу, что папка будет вечером и что один технический вопрос она выносит на презентацию как открытый. Он ответил: «Хорошо. Только не тяните с открытыми вопросами».

В семь она нашла в поиске несколько оценочных компаний, работавших с последствиями заливов квартир. Одна указывала возможность предварительной консультации по фотографиям. Лера позвонила — трубку не взяли, автоответчик предложил написать на почту. Она отправила адрес, описание повреждений и фотографии пятна. Акта ещё не было, поэтому приложить его она не могла.

В восемь начала собирать папку для заказчика.

Планы, развёртки, спецификация света, три варианта зонирования, смета по трём категориям. Она проверила, что все размеры на плане совпадают с развёртками, и нашла ещё одну мелочь: в варианте А стеллаж наезжал на вывод для торшера. Передвинула вывод. Проверила ещё раз.

В двадцать один сорок она нажала «отправить».

Письмо получилось коротким: «Алексей Викторович, материалы во вложении. Завтра в 10:00 буду на связи. По стеллажу — два предварительных варианта; окончательное решение требует уточнения у проектировщика и проверки документации по камину. На презентации покажу оба подхода».

Она посмотрела на часы. Двадцать один сорок две.

Затем открыла чат с Ильёй и набрала: «Спасибо. Помогло». Отправила, не перечитывая, и почти сразу убрала телефон экраном вниз, как будто он мог ответить чем-то, чего она не хотела читать.

Потом вернулась к ноутбуку и открыла слайд номер двенадцать.

Сдвинутый стеллаж, ниша, шесть метров четыреста миллиметров вместо семи.

Лера смотрела на этот чертёж и понимала простую вещь: в проекте, который она сделала сама, от и до, оказался участок, для которого у неё не было достаточно точных исходных данных. Она заметила это вовремя, но чужой взгляд помог найти способ не прятать проблему и не выдавать предположение за готовое решение.

Она открыла календарь и проверила понедельник: 10:00 — Балашиха, видеопрезентация; 11:40 — Гурьева, если успеет после встречи и дороги.

Поставила будильник на восемь тридцать и выключила ноутбук.

За стеной в стояке что-то щёлкнуло, и по трубе пошла вода — ровно, без гула, как всегда теперь.

Глава 9

Глава 9. Четыре года

Будильник на восемь тридцать она поставила нарочно раньше, чем нужно, и всё равно встала в восемь сорок, потому что ночью просыпалась от того, что во дворе кто-то долго не мог закрыть дверцу машины.

К девяти на кухонном столе был накрыт рабочий беспорядок: ноутбук на подставке, второй ноутбук — запасной, с открытым файлом на случай, если первый подведёт, — телефон на подставке напротив, чтобы смотреть в камеру, а не в экран, и распечатанные развёртки, которые Лера разложила веером. Свет она включила весь: и верхний, и над столом, и настольную лампу из маленькой комнаты, потому что в девять утра в Петербурге в начале ноября темно, как в сумерках, и лицо на видео получается серым.

Стул она поставила так, чтобы за спиной была стена, а не окно. Проверила звук, записав двадцать секунд своего голоса, и послушала себя: речь быстрая, но разборчивая.

В девять сорок позвонил Стас.

— Ты готова?

— Готова.

— Он в десять будет не один. С ним технадзор, женщина, фамилию не сказал.

Лера посмотрела на веер развёрток.

— Спасибо, что предупредил.

— Я узнал пять минут назад. — Стас помолчал. — Лер, если начнут валить — не защищайся, задавай вопросы. Пусть объяснят, что их не устраивает. Тогда разговор переходит к ним.

— Я знаю.

— Ну, я на всякий случай.

В десять ноль-две в окне видео появился Алексей Викторович — в рубашке без галстука, сидел не в кабинете, а в каком-то помещении с бетонной стеной за спиной, и рядом с ним действительно была женщина в очках, которая сразу начала что-то листать.

— Доброе утро, — сказал он. — Наталья Сергеевна, наш технадзор. Показывайте.

Лера не стала здороваться дважды и не стала уточнять, кто кому подчиняется.

— Начну с зонирования и сразу перейду к вопросу, который вынесла отдельно, чтобы вы не искали его сами в материалах.

Она провела их по трём вариантам. Говорила по двенадцать минут на каждый, без пауз на «как видите» и «обратите внимание», потому что терпеть не могла, когда презентацию превращают в экскурсию. На третьем варианте Наталья Сергеевна подняла голову.

— А зачем вам там камин? — спросила она.

— Не мне. Заказчику. Он существует, он действующий, и он в проекте.

— Если он действующий, у него должен быть паспорт и акт на дымоход.

— Согласна. Эти документы я запросила у застройщика. Их у меня нет.

Алексей Викторович постучал ручкой по столу.

— Так. Вот это мне нравится меньше всего. Вы показываете мне шкаф, а потом говорите, что не знаете, можно его туда ставить или нет.

— Я показываю вам два варианта и говорю прямо, чего не хватает. — Лера переключила слайд. — Вариант А: стеллаж сдвинут на шестьсот миллиметров, длина шесть метров сорок сантиметров вместо семи. Там, где раньше стоял шкаф, остаётся ниша, доступ к стене свободен. Вариант Б: стеллаж остаётся длинным, но в задней стенке предусматривается ревизионный люк. Второй вариант я не могу назвать рабочим, пока не увижу, где именно проходит ревизия и что по этому поводу написано в проекте.

— А первый можете?

— Первый — тоже предварительный. В нём не предполагается люк в самом стеллаже, но это ещё не означает, что решение допустимо. Нужно проверить положение ревизии, доступ к ней и требования к расстояниям от конструкций. Без документации и профильного заключения я не буду выдавать компоновку за согласованный проект.

Наталья Сергеевна сняла очки.

— У вас в разделе ОВ есть лист с камином?

— У меня есть фотографии этого листа, снятые на телефон. Одна с бликом. Я по ним не работаю.

— Правильно, что не работаете.

Алексей Викторович вздохнул так, что микрофон это уловил.

— Лера Андреевна, — сказал он. — Я вас ценю. Но я сейчас заплатил за проект и получил проект с дыркой.

— Вы получили проект, в котором честно помечено место, где я не могу гарантировать. Если бы я это место закрасила, вы бы узнали о нём от Натальи Сергеевны через месяц, когда приехали бы монтажники.

— А вы уверены, что через месяц?

— Я уверена, что рано или поздно.

Пауза была неудобной. Лера её выдержала.

— В четверг я буду на объекте, — сказала она. — С Натальей Сергеевной и с прорабом. Если к тому времени застройщик даст документы, я привезу вариант с проверенными исходными данными. Если не даст — привезу два предварительных решения и перечень вопросов, которые нужно закрыть до начала работ. Мне нужно, чтобы вы это увидели на месте, а не на экране.

— В четверг, — повторил он. — В десять?

— В десять.

— Хорошо. — Он сделал пометку. — И ещё: в смете у вас встроенная мебель стоит одной строкой. Мне это не нравится. Разбейте на позиции и пришлите до среды.

— Разобью.

— Тогда всё. — Он посмотрел куда-то вбок, потом снова в камеру. — И спасибо, что не стали делать вид, что всё в порядке. Меня в прошлом году один такой «в порядке» довёл до экспертизы.

Он отключился первым. Наталья Сергеевна кивнула и исчезла следом.

Лера сидела ещё секунду, глядя в пустое окно.

Было одиннадцать двадцать две.

Позвонил Стас в одиннадцать двадцать пять.

— Ну?

— Четверг, десять утра, на объекте. С технадзором. Смету разбить до среды.

— Он согласился? — Стас не поверил. — Он же хотел тебя в понедельник.

— Он получил в понедельник. Теперь хочет в четверг.

— Лер. Ты понимаешь, что это хорошо?

— Я понимаю, что теперь у меня два дня на смету и три на документы, которых у меня нет.

Она посмотрела на часы на ноутбуке. Одиннадцать двадцать восемь.

До Малого проспекта — двадцать пять минут, если бежать к метро и не ждать поезда. В одиннадцать сорок она не успевала. Не «возможно, не успевала» — не успевала совсем.

Она открыла чат с Ильёй и написала: «Не успеваю. Презентация затянулась, только освободилась. Буду ждать, чем закончится, — напишите потом, если будет что сказать». Отправила и в ту же секунду поняла, что звучит это так, будто она сваливает на него отчёт.

Через минуту пришло: «Понял. Иду».

Больше ничего.

Он пришёл в шесть, в рабочей куртке, с папкой под мышкой, и в дверях сказал:

— Я на десять минут. У меня машина во дворе, я на дежурстве.

— Что случилось?

— В третьем корпусе стояк. Уже перекрыли, бригада занимается. Меня попросили оставаться на связи, пока не закончат. Так что если буду отвечать невпопад — это не из-за вас.

На кухне он положил папку на стол, но не открыл.

— Сначала главное. Я не подал заявление.

— Понятно.

— Я был у нотариуса. Смотрел завещание. — Он помолчал. — Формулировка обычная, без условий. Квартира, две доли. Никаких оговорок там нет.

— Вы спрашивали, почему?

— Спрашивал.

Лера ждала.

— Она сказала то же, что вам: мотивы завещателя не обсуждает.

— И всё?

— Не совсем. Она объяснила, что срок для принятия наследства идёт со дня смерти Тамары Ивановны. До шестого апреля. И что мне не обязательно принимать решение сегодня.

— А если вы откажетесь?

— Тогда нотариус будет разбираться, кому должна перейти моя доля. Она не обещала, что всё автоматически достанется вам. Это зависит от наследственного дела и того, что предусмотрено завещанием.

— А если примете?

— Тогда у нас будут доли в одной квартире. Придётся договариваться, что с ними делать. Если не договоримся, возможен суд.

— Она вам это сказала? Про суд?

— Сказала, что споры между собственниками могут дойти до суда. И что лучше сначала попробовать договориться.

Лера кивнула.

— И какое решение?

— Никакого. — Он посмотрел на неё прямо. — Я не собираюсь решать это за несколько дней после того, как узнал. Мне нужно понять, что это вообще значит.

— Для вас это деньги?

— И деньги тоже, наверное. Квартира чего-то стоит. Но сейчас я думаю не о сумме.

— А о чём?

Он не сразу ответил.

— О том, что она мне ничего не сказала. — Он произнёс это ровно, но с той короткой остановкой перед словами, которая у него появлялась, когда он говорил о Тамаре. — Она ходила к нотариусу в сентябре. Я в сентябре два раза был у неё в квартире. Про вентиль разговаривали. Она ни словом не обмолвилась.

— И вас это задело.

— Меня это озадачило. — Он чуть подумал. — Задело, наверное, тоже. Но в первую очередь я не понимаю.

Лера отодвинула ноутбук в сторону, чтобы между ними было чистое место, и это движение вышло почти символическим, чего она не хотела.

— Расскажите мне, как вы с ней познакомились.

Он посмотрел на часы.

— Это надолго.

— Я понимаю.

Илья взял телефон, набрал номер.

— Сергей? Это Воронцов. Как у вас третий корпус?.. Хорошо. Если стояк перекрыт и бригада на месте, заканчивайте по заявке. Я на связи, если что-то изменится. Да, телефон рядом.

Он убрал телефон.

— Пока без меня справляются. Но если позвонят, придётся уйти.

Лера кивнула.

Илья снял куртку.

— Двадцать второй год, — сказал он. — Май. Я тогда работал по соседнему корпусу, и меня попросили посмотреть вашу квартиру: у вас в маленькой комнате была сырая стена, а Анна Павловна уже жаловалась, что у неё тоже появляются следы влаги.

— Я этого не знала.

— Вы и не могли знать. Вы в Москве были.

Он сказал это без укора — просто как факт, и от этого стало хуже.

— Я пришёл, посмотрел. Там перед этим работали подрядчики. Обшивку уже меняли, и после их работ стена всё равно сырела. Я предположил, что проблема может быть в узле примыкания, но без вскрытия и проверки причины утверждать было нельзя. Сказал: надо сначала разобраться, откуда влага, а потом решать, что переделывать. Она сказала: «Сколько это стоит». Я сказал: «Я не подрядчик, я не считаю». Она сказала: «Тогда зачем вы пришли».

Лера невольно усмехнулась.

— Это очень похоже на неё.

— Она меня потом несколько дней не пускала. — Илья смотрел на стол. — Я пытался согласовать повторный осмотр, она говорила: «Мне некогда». Потом открыла и сказала: «Я нашла фирму, они берут сто сорок восемь тысяч, посмотрите смету». Я посмотрел. Там были работы, необходимость которых никто толком не объяснил. И несколько пунктов, которые без дополнительных обследований нельзя было обещать выполнить так, как написано.

— И вы ей сказали.

— Сказал. Она спорила. Потом взяла паузу. В итоге решила работать с ними.

— Она не послушала?

— Она послушала, — сказал он. — Просто решила по-своему. Это разные вещи.

Он провёл пальцем по краю папки.

— К концу июня стало ясно, что нормально закончить работу они не смогут. Стену вскрыли, часть обшивки сняли, а дальше начались споры о том, что входило в смету. Тамара Ивановна подготовила претензию. В начале июля подрядчики окончательно прекратили работы. Она осталась со вскрытой стеной, и в квартиру шла пыль. Я к тому моменту уже знал, что она упрямая, поэтому просто пришёл и спросил: «Тамара Ивановна, вам что нужно — чтобы я вам сказал, что делать, или чтобы я это сделал?» Она подумала и говорит: «Второе. Но вы мне скажете, сколько это стоит, до того, как начнёте».

— И вы согласились.

— Я согласился. Я тогда как раз увольнялся с подрядной работы, у меня было время.

— Почему вы увольнялись?

Он посмотрел на неё, и Лера поняла, что вопрос был лишний.

— Это к делу не относится.

— Хорошо.

— Мы привели стену в порядок примерно за две недели, — сказал он. — И вот тут началось то, о чём вы спрашиваете. Она мне заплатила за материалы до копейки. По чекам. Каждый чек она мне показывала и спрашивала: «Это точно нужно?» — и я каждый раз объяснял, зачем нужен каждый саморез. Иногда она говорила: «Это дорого» — и покупала сама, где дешевле. Один раз принесла кран другой модели, и он не подошёл по резьбе. Она молчала, а потом сказала: «Ну, значит, вы были правы» — и это было всё, что я от неё услышал за неделю.

Лера сидела очень тихо.

— Потом прошло полгода, — продолжал он. — Она позвонила в декабре. У неё сломался полотенцесушитель. Я пришёл, а он уже новый лежит в коридоре, в коробке, и она стоит рядом и говорит: «Я купила, вы только повесьте». Я повесил. Она налила чаю.

— Просто так?

— Не просто так. Она сказала: «Я не люблю, когда у меня в доме кто-то ходит. Но вы ходите нормально».

Лера отвернулась к окну. За стеклом было черно, и в этом чёрном только окна напротив были тёплыми.

— Она не любила, когда кто-то ходит, — сказала Лера. — Это правда.

— Я знаю.

— Она и меня не любила в доме. — Лера сказала это раньше, чем успела решить, стоит ли. — В четырнадцать лет я не могла поставить на полку свою книгу, потому что полка была «не для этого». Она переставляла. Я находила свои вещи в других местах и понимала, что она заходила.

Илья не стал ничего отвечать.

— Скажите, что я преувеличиваю.

— Не скажу.

— Скажите, что это ерунда по сравнению с тем, что вам пришлось с ней работать.

— Не скажу тоже.

Он помолчал, потом добавил:

— Я не знаю, какой она была матерью. Я знаю, какой она была соседкой. Это разное, и про первое я говорить не могу.

— У неё с вами было разное, — сказала Лера. — С соседями она была обязательной. С людьми, которые ей помогали, — снисходительной. А со мной…

Она не договорила.

— У неё был один человек, которому она позволяла входить в квартиру без себя, — сказал Илья. — Это я. И это не значит, что она мне всё рассказывала. Я приходил по делу. Я знаю, какой у неё был кран и какой у неё был чайник. Я не знаю, что она думала о своей жизни.

— Но вы были там четыре года.

— Я был в квартире. Это не то же самое, что быть в жизни.

Телефон у него на столе завибрировал. Он посмотрел и сбросил.

— У неё в сентябре было что-то, — сказал он вдруг. — Я тогда к ней заходил по вентилю. Она стояла в комнате с папкой, с завязками. И я обратил внимание, что она собрана. Обычно, когда она что-то затевала, она разговаривала и одновременно что-то делала руками. А тут стояла и разговаривала.

— О чём?

— О вентиле. — Он усмехнулся коротко. — Я спрашиваю: «Тамара Ивановна, вы куда-то собираетесь?» Она говорит: «Привожу всё в порядок. Как перед дорогой». Я подумал — к врачу.

Лера почувствовала, как что-то встало в горле.

— Она говорила Анне Павловне о своих делах. О том, что надо всё привести в порядок. А вам сказала про дорогу.

— Может быть, она действительно куда-то собиралась.

— А может быть, нет.

— Может быть.

Он сказал это без всякой загадочности, и именно поэтому Лера поверила, что ответа у него нет.

— Вы знаете больше меня, — сказала она. — Вы это понимаете? Вы знаете, как она ставила чайник и что говорила про чай. Вы знаете, как она разговаривала с людьми, которые ей что-то делали. Вы знаете, что она покупала в «Максидоме».

— Чашки? — спросил он.

Лера замолчала.

— Три тёмные в шкафчике, — сказал он. — Да. Из них она поила меня чаем. Ещё в прошлом году они стояли на первом ряду.

Лера отодвинула табурет и встала.

— Извините.

Она вышла в прихожую, постояла там, глядя на крючок у двери, и вернулась.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда я задам вопрос, на который вы не обязаны отвечать.

— Задавайте.

— Почему половину она оставила именно вам?

Илья ответил не сразу.

— Я думал об этом всю дорогу от нотариуса.

— И?

— И у меня нет ответа, который бы меня устраивал. — Он смотрел на неё. — Есть вариант, что она считала, будто я вложился. Ремонт, время, четыре года по звонку. Есть вариант, что она не хотела, чтобы квартира досталась незнакомым людям, а я для неё был не незнакомый. Есть вариант, что она таким образом хотела что-то сказать — вам. Не мне.

— Мне?

— Вам.

Лера медленно опустилась обратно.

— Значит, вы тоже не понимаете.

— Я не понимаю. — Он поднял папку. — И я не буду делать вид, что понял, чтобы вам стало легче. Извините. Мне надо ехать, у меня там люди.

Он оделся в прихожей, быстро.

— В четверг вы в Москве? — спросил он, уже взявшись за ручку.

— В четверг у меня встреча на объекте в Балашихе. В десять.

— А потом?

— Пока не знаю. Надо будет решить, что делать с квартирой и управляющей компанией.

Он кивнул.

— Если понадобится что-то по квартире — пишите. Только не в четверг до обеда, я в четверг на комиссии.

Дверь закрылась.

Лера постояла в кухне. Потом вспомнила папку с документами за двадцать второй год, которую уже просматривала, и пошла её искать.

Она нашла её среди старых бумаг Тамары. Внутри лежали смета «СтройПрофи», копии документов и два экземпляра претензии — аккуратные компьютерные распечатки с ровными полями.

Она посмотрела на дату в углу: двадцать восьмое июня.

Незадолго до того, как подрядчики окончательно прекратили работы.

Она положила лист обратно и закрыла папку. Рассказ Ильи теперь можно было сопоставить хотя бы с одной датой, написанной рукой не его и не её матери.

Потом открыла телефон и написала Алексею Викторовичу: «Четверг, 5 ноября, 10:00 — буду на объекте. Смету по позициям пришлю до среды. По разделу ОВ напишу, как только получу».

Отправила и открыла календарь. Поставила на четверг: «Балашиха. Объект. 10:00».

Когда она вернётся в Петербург и сколько времени проведёт в Москве, Лера пока не решила.

За стеной в стояке щёлкнуло, пошла вода. Она налила себе чаю — крепкого, — но пить не стала, а села и стала смотреть, как пар оседает на холодном стекле, и думала о том, что у её матери был человек, знавший, из какой чашки она пьёт, и что этим человеком оказалась не она.

Глава 10

Глава 10. Расписка

Третьего ноября Лера встала в семь и первым делом позвонила в управляющую компанию — не написала, а именно позвонила, потому что по опыту знала: письма там читают через два дня.

— Акт? — Ирина говорила из кабинета, было слышно, как рядом работает принтер. — Инженер подписал вчера вечером. Осталась подпись руководителя. Как только будет — сможем выдать копию.

— Мне нужен хотя бы скан.

— До оформления не могу отправить. И завтра у нас праздничный день, так что раньше четверга не обещаю.

— В четверг меня не будет в Петербурге. Можно я получу скан по почте, когда акт будет готов?

— Напишите заявление. Если всё оформят, посмотрим, как передать копию.

— Хорошо.

— И ещё, Морозова: вы заявку на кран подавали?

— Не подавала.

— Подайте. Отключение стояка у нас обычно по вторникам и четвергам, утром. К заявлению приложите документы по наследственному делу. Нам нужно проверить, на каком основании вы обращаетесь и кто будет согласовывать работы.

— Приложу.

— И имейте в виду: в четверг утром отключение уже занято, ближайшее свободное окно — следующий вторник. Но сначала заявление должны рассмотреть.

Лера записала: «Кран — заявление. Отключение — уточнить после согласования». И, помедлив, добавила: «Документы по наследству».

Она доехала до управляющей к одиннадцати, отстояла в коридоре с женщиной, которая пришла ругаться из-за подъезда, и подала заявление на кран. Заодно попросила письменный ответ, когда будет копия акта. Ей сказали: «Напишите на имя руководителя». Она села за стол в коридоре и написала от руки — с датой, с просьбой выдать копию и направить скан по электронной почте после оформления.

Домой вернулась к часу. По дороге пришло письмо от оценочной компании: они готовы выехать, но для полноценной оценки ущерба им понадобятся документы управляющей компании. Предварительный расчёт по фотографиям стоит четыре тысячи рублей и «не является заключением».

Лера ответила: «Пока не оформляю заказ. Уточните, пожалуйста, какие документы потребуются для оценки, которую можно будет использовать при предъявлении требований».

Ответ пришёл через двадцать минут: «Акт и описание повреждений. Без них — только предварительный расчёт для внутреннего планирования».

Она закрыла почту. Четыре тысячи за бумагу, которую потом придётся переделывать, платить не хотелось. Сначала акт.

До шести она разбирала смету по Балашихе — ту самую встроенную мебель, которую Алексей Викторович потребовал разбить по позициям. Работа была механическая и от этого почти приятная: корпус, фасады, фурнитура, монтаж, доставка. Каждую строку она проверяла по двум поставщикам, потому что знала, что Наталья Сергеевна откроет именно эти колонки.

К половине седьмого в смете осталась одна незакрытая позиция — доводчики, — и Лера поняла, что больше не соображает.

Она сохранила файл и открыла другую заметку. Не «Квартира. Что делаю я», а новую, пустую.

Назвала её: «Финансы и документы».

И стала писать.

Коммунальные — проверить, нет ли долга. Лера знала, что квитанции мать хранила и платила, но это была память о бумажках, а не проверка.

Налог на квартиру. Другие обязательные платежи.

Страховка — истекла в девятнадцатом, это она уже знала.

Кредиты и займы.

Вот здесь она остановилась.

Она не знала, как это проверить. Нельзя просто позвонить в банк, назвать себя дочерью и получить сведения обо всех обязательствах матери. Часть информации можно было выяснять через нотариуса в рамках наследственного дела, но для этого требовались запросы и время. А некоторые долги вообще могли не проходить через банк.

Лера отложила телефон и посидела, глядя на эту строчку.

Потом оделась и пошла через двор.

В его корпусе на первом этаже меняли плитку — на полу лежал картон, и она прошла по нему, держась за стену. На четвёртом было тихо. За дверью работал телевизор — не речь, а какой-то ровный гул, вроде футбола.

Илья открыл сразу.

— Валерия Андреевна.

— Здравствуйте. — Она почему-то не приготовила фразу. — У меня вопрос. Не по работе.

Он посторонился.

В кухне было прибрано, и это её удивило: в прошлый раз тут лежали отвёртки и дверца от шкафчика. Теперь на столе стояла одна тарелка с остатками чего-то горячего, кружка и открытый ноутбук, а рядом — тонкая картонная папка с завязками, из тех, что берут в суд.

— Вы ели? — спросил он.

— Да.

— Я не предлагаю, я уточняю. — Он закрыл ноутбук и убрал тарелку в раковину.

Лера села.

— Я сегодня составляла список того, что могло остаться после матери, — сказала она. — Коммунальные, налоги, страховка. И поняла, что есть вещи, которые я пока не могу проверить сама.

— Например?

— Например, долги. — Она посмотрела на него. — Вы четыре года были человеком, который у неё всё чинил. Вы знаете, как она относилась к расходам. Вы хоть что-нибудь знаете о её финансовых делах?

Илья не ответил сразу.

Он стоял у раковины, и вода ещё шла, и он закрыл её, вытер руки и только потом сел напротив.

— Почему вы спрашиваете меня, а не нотариуса?

— У нотариуса я тоже спрошу. Но вы знали её четыре года. И я спрашиваю сейчас.

— Знаю, — сказал он.

И замолчал.

Лера ждала. Она слышала, как в комнате гудит телевизор, как в стояке за стеной что-то капает в чужую раковину.

— Я одолжил Тамаре Ивановне миллион восемьсот тысяч рублей, — сказал Илья.

Первое, что она почувствовала, было не удивление, а что-то похожее на тошноту — короткое, под ложечкой, как в лифте, когда кабина проваливается на полэтажа.

— Миллион восемьсот.

— Да.

— Один миллион восемьсот тысяч, — повторила Лера, будто проверяла, правильно ли расслышала.

— Именно.

Она положила руки на стол.

— Когда?

— У меня есть расписка. Я покажу.

— Я спрашиваю вас.

— Я помню, когда мы об этом договорились. Но там были разговоры, передача денег, оформление бумаги. Не хочу сейчас смешать даты и потом заставить вас разбираться, где я ошибся. Давайте сначала посмотрим документ.

Лера сжала пальцы.

— Хорошо. Зачем ей были нужны такие деньги?

— Я не знаю.

— Вы дали почти два миллиона и не знаете, зачем?

— Я спросил. Один раз. — Илья смотрел на неё. — Она ответила так, что второго раза я не задавал. Это была не грубость. Просто было видно, что дальше спрашивать не надо.

— И вы дали.

— Я дал.

— Вы понимаете, как это звучит?

— Понимаю.

Лера встала, прошлась до двери в коридор и обратно. На подоконнике у него стояла банка из-под кофе с саморезами, и она зачем-то отметила, что саморезов стало меньше.

— Почему вы мне не сказали? — спросила она, обернувшись. — Я неделю обсуждала с вами квартиру. Ремонт. Продажу. Завещание. Я вам рассказывала про смету, про кран, про Анну Павловну. А вы знали, что между вами и моей матерью были такие деньги, и молчали.

— Молчал.

— Просто «молчал»?

— А что я должен сказать? — спросил он, и впервые за весь разговор в голосе что-то дрогнуло. — Что мне было неудобно? Было. Что я находил причины? Находил. Первая была: это наше с Тамарой Ивановной дело. Вторая: вы мне не доверяете, зачем я буду навязываться. Третья: скажу, когда будет к чему.

— И когда стало к чему?

— Сегодня. Когда вы спросили о долгах прямо. Вчера мы говорили о другом. Я мог сам поднять эту тему, но не поднял.

Лера села. Ей не хотелось садиться, но стоять и ходить по чужой кухне было ещё хуже.

— Покажите.

Он развязал папку.

Внутри лежал прозрачный файл, а в нём — лист, сложенный вчетверо. Илья вынул его и положил перед ней, не разворачивая.

— Это оригинал, — сказал он.

Лера развернула.

Бумага была обычная, из тех, что покупают пачкой, — в клетку, с полями. Почерк она узнала раньше, чем прочла первое слово: мелкий, ровный, с наклоном вправо, тот самый, которым были подписаны квитанции и на обороте визитки стояло «14 сентября, 11:40».

На секунду ей показалось, что мать просто оставила очередную записку. Такие листки лежали дома повсюду: с номерами телефонов, списками покупок, пометками на полях инструкций. Тамара могла записать стоимость лампочки и подчеркнуть её дважды, если считала цену завышенной. Лера столько лет раздражалась на эту привычку, а теперь поймала себя на том, что рассматривает каждую букву, словно почерк способен объяснить, зачем была написана сама расписка.

«Я, Морозова Тамара Ивановна, паспорт…, получила от Воронцова Ильи…»

Дальше шла сумма — цифрами и прописью, и прописью она была выведена так тщательно, будто мать боялась, что её заподозрят в небрежности: «один миллион восемьсот тысяч рублей».

Лера задержалась на слове «получила». Не «прошу», не «обязуюсь», не что-нибудь, оставляющее место для сомнений. Получила. Когда-то мать сидела перед таким же листом и писала это слово собственной рукой. Рядом был Илья — или, по крайней мере, деньги, которые он ей дал. А Лера в это время жила в Москве, ходила на работу, покупала продукты, спорила с заказчиками. Она даже не знала, что существует день, к которому теперь придётся возвращаться.

Ей захотелось спросить, за каким столом мать писала расписку. Дома, на своей кухне? Здесь? Но она остановила себя. От ответа не изменится ни сумма, ни содержание документа. Просто появится ещё одна подробность чужого вечера, которую она потом будет представлять слишком отчётливо.

Внизу — подпись. И дата.

Лера посмотрела на неё, затем ещё раз на сумму. Она могла бы переписать дату в телефон, но пока ей было важнее понять, что именно подтверждает этот лист.

Мать подписывала документы всегда одинаково: быстро, почти не отрывая ручки. В детстве Лера пробовала повторить эту подпись на обрывке газеты и получила замечание — не за испорченную газету, а за то, что чужую подпись нельзя копировать. Сейчас та же самая росчерком завершённая строка лежала перед ней как доказательство разговора, в котором ей не было места.

Она почувствовала не обиду даже, а странное запоздалое смущение. Словно вошла в комнату, где разговор давно закончился, и обнаружила, что все участники разошлись, оставив ей только бумагу.

— Я сфотографирую потом, если вы разрешите.

— Разрешу. И скан отправлю.

Она прочла текст ещё раз, медленнее.

— Здесь больше ничего нет, — сказала она.

— Что вы имеете в виду?

— Я не вижу ни процентов, ни срока возврата.

— В расписке этого нет.

— И про квартиру ничего.

— Про квартиру там ни слова, — сказал Илья. — Я давал деньги, а не покупал долю.

— Хорошо. — Лера проговорила это ровно, будто вслух ставила галочку. — Тогда второй вопрос: она вернула?

Он помолчал.

— Я не могу сейчас назвать вам остаток.

— Почему?

— Потому что не сверял все поступления с документами. Я помню отдельные переводы, помню наши разговоры. Но это не одно и то же, что расчёт. Если назову сумму на глаз, вы пойдёте с ней к нотариусу, а потом выяснится, что я что-то пропустил. Мне этого не нужно. И вам тоже.

— То есть вы не утверждаете, что она осталась должна миллион восемьсот?

— Нет. Я утверждаю, что передал ей такую сумму. Что из этого осталось обязательством на день её смерти — надо установить.

— А чем вы можете подтвердить передачу денег, кроме расписки?

— У меня сохранились банковские документы. Надо поднять выписку, сверить даты и суммы. Я покажу.

Лера откинулась на стуле.

— Вы были у нотариуса вчера.

— Был.

— Вы сказали ей про заём?

— Нет. Я приходил разобраться с завещанием и своим решением по наследству. Требование по займу пока не предъявлял.

— Но вы знали, что этот вопрос придётся поднимать.

— Знал. И откладывал. Не буду говорить, что это было правильно.

Лера встала и на этот раз осталась стоять.

— Знаете, что мне сейчас неприятнее всего? — сказала она. — Не сумма. Я в жизни не держала в руках таких денег, но я видела сметы и знаю, сколько стоит квартира. Не сумма. Мне неприятно, что я всё это время разговаривала с вами как с человеком, у которого в этой истории только кран и полотенцесушитель. А у вас в этой истории почти два миллиона и бумажка с подписью моей матери.

— Я не хотел…

— Не говорите «я не хотел». — Она оборвала его резче, чем собиралась. — Вы неделю молчали. Молчание — это тоже решение, просто оно ничего не стоит тому, кто молчит.

Илья медленно кивнул.

— Справедливо.

— И вот теперь я должна вас спросить прямо. — Лера оперлась ладонями о стол. — Вы собираетесь требовать деньги? С наследников, через квартиру, как угодно?

— Я пока не предъявляю требований.

— Это ответ о сегодняшнем дне. А потом?

— Потом надо сначала выяснить, существует ли непогашенный остаток и какой. Я не собираюсь называть долгом всю сумму только потому, что она написана в расписке.

— А завещание?

— Завещание — другой вопрос. Я не знаю, связано ли оно с займом. И не собираюсь решать это в свою пользу, придумав удобную версию.

— А если она завещала вам половину именно за это? Что тогда?

— Тогда нужно будет понять, есть ли хоть какие-то подтверждения такой связи. Пока их нет.

— Вы даёте мне слово?

— Я могу обещать конкретное. Покажу вам расписку и банковские документы, которые найду. Сверю расчёты. Прежде чем предъявлять какое-либо требование по займу, разберусь с юристом, на чём оно может основываться. Но обещать сейчас, что никогда ничего не потребую, я не буду. Это было бы нечестно.

Лера посмотрела на лист, лежавший между ними. Потом взяла его, сложила по старым сгибам — раз, другой — и положила обратно в файл.

— Вы дадите мне скан, — сказала она. — И выписку. И всё, что у вас есть по переводу.

— Скан отправлю завтра. Выписку запрошу и передам, когда получу.

— И найдите юриста.

— У меня есть знакомый юрист, — сказал он. — Спрошу, занимается ли он такими делами.

— Спросите.

Она пошла в прихожую, надела пальто. У двери обернулась.

— И ещё одно. Я не считаю, что вы меня обманули. Пока не считаю. Но я теперь буду всё проверять. Не потому, что вы плохой, а потому, что я больше не хочу узнавать такие вещи на кухне через неделю после того, как их можно было узнать.

— Это правильно, — сказал Илья.

— Я знаю, что правильно. — Лера взялась за ручку. — Мне от этого не легче.

Дома она первым делом достала синюю папку и вытряхнула на стол всё.

Паспорт. Свидетельство. Договор передачи. Техпаспорт. Квитанции. Подтверждение заказа выписки. Визитка.

Она разложила это на две кучки — «имущество» и «документы о ней» — и поняла, что вторая кучка состоит из одной визитки.

Потом открыла ноутбук и стала писать в пустом файле, коротко, как писала техзадания:

«1. Расписка: скан, сумма, дата, стороны. 2. Банковские документы: проверить передачу денег. 3. Возврат: какие платежи были и чем подтверждаются. 4. Остаток обязательства: установлен или нет. 5. Ответственность наследников: спросить юриста. 6. Связь займа и завещания: пока не установлена».

Шестой пункт она перечитала. Раньше ей хотелось бы поставить после него вопросительный знак, как будто вопрос уже был наполовину ответом.

Теперь она написала рядом: «Не делать выводов».

Потом открыла переписку с риелтором. Андрей Снопков писал ей один раз, на следующий день после разговора: «Как будут документы — звоните». Больше ничего.

Лера набрала: «Андрей, добрый день. По квартире на Петроградской пока пауза. Разбираюсь с наследственными документами. К обсуждению продажи вернусь, когда появится ясность».

Отправила.

Телефон лёг на стол.

Лера открыла заметку «Квартира. Что делаю я» и посмотрела на знакомые пять строк: кран, подводка, розетка, потолок, ступка. Список, в котором она хотя бы понимала, что делать дальше.

Она ничего в нём не изменила.

В кухне было темно. Лера включила свет над столом, достала из шкафчика одну из трёх тёмных чашек и поставила перед собой.

Вчера Илья сказал, что Тамара поила его из них чаем. Сегодня показал расписку с её почерком.

Лера налила воды из-под крана — новая подводка держала, вода шла тихо — и выпила, стоя у окна.

С той стороны двора, на четвёртом этаже, горел свет. Она не стала считать, который час.

Глава 11

Глава 11. Доказательства

Сообщение пришло в девять четырнадцать, и Лера прочла его, стоя у плиты с туркой в руке.

«Отправляю скан, как обещал. Второй снимок сделал при лампе, на нём видны сгибы. Банковские документы собираю, выписку закажу в банке, это не сегодня».

Два вложения. Она поставила турку, выключила газ и села за стол, не дожидаясь, пока кофе поднимется.

Первый файл был ровный, светлый, отсканированный. Второй — фотография того же листа, снятая сверху, с тенью от края стола и жёлтым пятном от лампы в правом углу. Лера открыла оба и стала смотреть.

Бумага в клетку. Поля. Почерк мелкий, с наклоном вправо, буквы ровные, как строчки в школьной тетради. Она увеличила до предела и посмотрела на слово «получила» — на то, как выведена «п» и как соединена с «о».

Потом встала и пошла в маленькую комнату за папкой.

Квитанции лежали в файлах по годам. Лера вытряхнула на стол те, где были рукописные пометки: «И. — в субботу», «оплачено 12.03», список покупок на обороте чего-то, три строки цифр. Положила рядом визитку с «14 сентября, 11:40». И снова вернулась к скану.

Почерк был похож на материнский до боли. Лера узнавала его, но понимала, что узнавание — ещё не доказательство.

Она помнила, что мать подписывала документы быстро, почти не отрывая ручки, и что ручку держала высоко, отчего строчки получались ровными, но слегка вверх. Такая манера была у неё в паспортном столе, в квитанциях, в записках на холодильнике: «Лера, суп в кастрюле. Не забудь выключить свет в ванной».

Лера откинулась на спинку табурета и поймала себя на том, чего ждала. Она ждала, что почерк окажется чужим. Что найдётся какая-нибудь деталь — наклон, нажим, буква, — и всё это развалится, и вчерашний вечер на чужой кухне превратится в ошибку, которую можно будет списать на усталость и на человека с папкой.

Не нашлось.

Она просидела так минут двадцать, потом закрыла файл и открыла новый документ.

«Что я знаю по скану», — написала она.

И ниже, коротко, как писала техзадания:

«1. Передан рукописный документ, в котором Морозова Т. И. подтверждает получение от Воронцова И. суммы 1 800 000 #. 2. Дата в документе есть. 3. Проценты, срок, обеспечение, упоминание квартиры — отсутствуют. 4. Почерк визуально соответствует известным мне образцам. 5. Визуальное сходство не является проверкой подлинности».

Пятый пункт она перечитала и оставила. Он был честный и ничего не обещал.

Потом дописала шестым:

«6. Текст расписки содержит подтверждение получения денег. Подлинность документа и исполнение обязательства отдельно не проверены. Размер возможного остатка на 6 октября не установлен».

На этом месте она остановилась, потому что поняла, что именно её цепляет. Не сумма. Сумма была просто большой цифрой, которую она пока не умела соотнести ни с чем, кроме квартиры, и это соотнесение было арифметикой, а не чувством.

Цепляло другое. Вчера она вышла от Ильи с ясным сознанием, что теперь у неё есть документ. Сегодня документ лежал у неё на столе, и от него не стало яснее. Один лист сообщал,

что мать написала о получении денег. Он молчал о том, что с ними стало, и даже сам ещё требовал проверки.

Она сохранила оба вложения в телефоне — просто чтобы они были под рукой, — и открыла почту.

«Скан получила, — набрала она Илье. — Вижу, что дата есть. Жду выписку. И напишите, какие именно платежи вы считаете возвратом — не сумму, а назначение платежей, если они подписаны».

Ответ пришёл через минуты три:

«Хорошо. Как получу — пришлю всё списком».

Больше ничего. Ни объяснений, ни извинений второй раз, ни попытки завязать разговор. Лера убрала телефон и вернулась к работе.

Доводчики она закрыла в половине двенадцатого.

Два поставщика предлагали разные модели: первый — более дорогие доводчики с фиксацией, второй — простые, без неё. Лера сопоставила описания и условия поставки. Для нижних створок, которыми будут пользоваться чаще, ей казался разумнее первый вариант; для верхних, антресольных, можно было предложить второй. Окончательно выбирать предстояло после согласования самой мебели.

Она сделала две строки вместо одной.

«Фурнитура, вариант 1: доводчики с фиксацией, стоимость по предложению поставщика. Вариант 2: доводчики без фиксации, стоимость по предложению поставщика. Рекомендация: рассмотреть вариант 1 для нижнего ряда, вариант 2 — для верхних створок. Выбор уточнить после утверждения компоновки».

Потом добавила примечание, которое терпеть не могла писать, но писала всегда: «Характеристики уточнить по паспортам выбранных изделий. Предложение не является согласованием закупки».

Она проверила смету насквозь — корпус, фасады, фурнитура, монтаж, доставка, подъём на этаж. Сверила с двумя поставщиками каждую позицию. В начале второго отправила Алексею Викторовичу письмо, в котором первым абзацем было, что именно во вложении, вторым — что остаётся открытым, третьим — что она будет на объекте в четверг в десять.

Ответа сразу не было. Она и не ждала: он обычно читал письма утром.

Чемодан она начала собирать после отправки сметы и перед выходом ещё раз перепроверила: ноутбук, планшет, распечатанные листы с двумя вариантами стеллажа, рулетка, лазерный дальномер, зарядки, две пары обуви. Синяя папка осталась на кухонном столе — в Москве она была не нужна, а в поезде Лера не хотела возить с собой свидетельство о смерти.

Вечером она села в поезд до Москвы. В купе на четверых, кроме неё, ехали ещё двое; за стеной разговаривала женщина с ребёнком. Лера положила телефон на стол, открыла почту, написала два письма — представителю стороны заказчика, ведущему переписку с организацией, отвечающей за проектную документацию дома, с напоминанием о недостающих листах ОВ и паспорте камина, и в управляющую компанию с уточнением, можно ли получить скан акта по электронной почте.

Потом убрала телефон и полчаса смотрела в окно на чёрное, в котором изредка проходили огни. Она впервые за десять дней уезжала из квартиры матери, и никакого особенного чувства по этому поводу у неё не возникло. Возникло бытовое: она не проверила, выключен ли свет в маленькой комнате.

В Москву Лера приехала поздно вечером и добралась домой. Ночь вышла короткой: она поставила будильник пораньше, разложила распечатки и почти сразу легла. Утром было холоднее и суше, чем в Петербурге. Из дома она выехала в сторону области: объект стоял в Балашихе, в новом месте, где навигатор надёжнее вёл по точке на карте, чем по адресу.

К десяти она была на месте.

Дом был из тех, что строят «под старину»: два этажа, кирпич, высокие окна с переплётом, а внутри — голые бетонные стены, стяжка, штабели гипсокартона у входа и запах мокрой пыли, который не выветривается ничем. Камин стоял в гостиной: заводская топка была установлена, вокруг неё уложили плитку, а труба уходила вверх за временным коробом. Работоспособность и безопасность узла Лера оценивать не бралась.

Алексей Викторович приехал раньше и ходил по гостиной, заложив руки за спину. Наталья Сергеевна стояла у стены с фонарём и планшетом. Прораб — молодой, в каске, с телефоном в нагрудном кармане — ждал у входа, как человек, которого позвали на разговор, где он не главный.

— Доброе утро, — сказала Лера. — Начну с того, что пришло и что не пришло. Через сторону заказчика нам передали один лист раздела ОВ: камин и канал на нём обозначены. Но это не полный комплект документации, и положения ревизии на листе нет. Паспорт камина тоже не предоставлен, хотя его уже запрашивали.

— То есть один лист есть, а остальных бумаг нет, — сказал Алексей Викторович.

— Именно.

Наталья Сергеевна подняла голову.

— Покажите, где вы собирались ставить стеллаж.

Лера разложила на подоконнике распечатку и показала: от окна до лестницы, вдоль стены, где шла труба.

— Вариант А: шесть метров сорок, отступ от угла, ниша у стены. Вариант Б: полная длина, ревизионный люк в задней стенке.

— Люк не надо, — сказала Наталья Сергеевна. — Люк — это когда по-другому нельзя. Сначала посмотрим, что там на самом деле.

Она подошла к стене, отодвинула короб из гипсокартона, и под ним обнаружилась чугунная дверца — маленькая, в четверть, выкрашенная в цвет стены.

— Вот она, — сказала Наталья Сергеевна. — Ревизия.

Лера подошла. Дверца оказалась ближе к окну, чем она представляла по своему эскизу. Она достала рулетку и измерила расстояние от левого края дверцы до ближайшего вертикального шва плитки на облицовке камина. Потом попросила прораба повторить — чтобы не было спора о том, кто мерил.

— Триста десять миллиметров, — сказал прораб. — От шва до края дверцы.

— Это расстояние по факту, — сказала Наталья Сергеевна. — А сравнивать его с проектом пока не с чем: положение ревизии там не указано.

Алексей Викторович отошёл к окну и постоял там.

— Объясните мне по-человечески, — сказал он. — Что это значит для моего шкафа.

— Это значит, — сказала Лера, — что оба варианта я рисовала без подтверждённого положения ревизии. Теперь у нас есть фактическое измерение, но одного его недостаточно, чтобы выбрать компоновку. И решать вопрос доступа к дверце должна не я.

— А кто?

— Наталья Сергеевна после изучения узла и документов. Прораб организует фотофиксацию и, если потребуется, согласованное вскрытие короба. А заказчик запросит недостающую документацию у организации, отвечающей за проект дома.

— А вы?

— Я перерисую после заключения. Не раньше. Если сейчас начну двигать стеллаж «на всякий случай», мы потеряем полезное место и всё равно не узнаем, можно ли его здесь ставить.

Наталья Сергеевна кивнула — коротко, без похвалы.

— Мне нужны паспорт камина и недостающие проектные материалы, в том числе сведения о ревизии. Если их не предоставят, придётся отдельно согласовать обследование по фактическому состоянию. Тогда я смогу подготовить заключение в пределах того, что удастся проверить. Но это не заменит проектных решений, которые должны оформить ответственные специалисты.

— Внесёте вы или я? — спросил заказчик.

— Изменения в проект внесёт тот, кто за него отвечает. — Наталья Сергеевна сняла очки. — Алексей Викторович, я вам это говорю третий раз: в переданном нам комплекте нет необходимых сведений по дымоходу. Можно поставить шкаф и потом обнаружить, что к ревизии не подойти. А можно сначала получить документы и принять решение.

— Когда мы сможем решить?

— Запрос можно направить сейчас. Если необходимые документы поступят вовремя, ориентируемся на двенадцатое ноября для заключения. Если нет — срок придётся пересмотреть.

Лера достала блокнот.

— Я сейчас составлю рабочий протокол встречи, — сказала она. — Пять пунктов: кто за что отвечает и какие следующие шаги. Это не разрешение на монтаж и не техническое заключение. Подпишем в трёх экземплярах: вам, Наталье Сергеевне и мне.

— Давайте, — сказал Алексей Викторович.

Она писала стоя, на подоконнике, и в этом была своя прелесть: не надо было ни спорить, ни доказывать. Надо было перечислить.

Первый пункт: заказчику — направить до седьмого ноября официальный запрос организации, отвечающей за проектную документацию дома, на недостающие материалы раздела ОВ, сведения о ревизии и паспорт камина. Дату получения ответа запросить отдельно.

Второй: техническому надзору — после получения достаточных исходных данных оценить расположение ревизии и условия доступа к ней. Ориентир подготовки заключения — двенадцатое ноября, если необходимые документы поступят своевременно; иначе согласовать новый срок.

Третий: прорабу — фотофиксация узла; вопрос о вскрытии короба решать отдельно после согласования с техническим надзором.

Четвёртый: Лере — после заключения перерисовать компоновку и передать на согласование; до заключения оба варианта считать предварительными.

Пятый: в смете сохранить разбивку по позициям и не закупать фурнитуру до утверждения компоновки.

Она перечитала, дописала дату — «5 ноября» — и развернула блокнот к заказчику.

— Так пойдёт?

Алексей Викторович читал долго, шевеля губами.

— Пункт четвёртый мне нравится, — сказал он. — Вот поэтому я вас и не уволил в понедельник.

— Я не знала, что вопрос стоял так.

— Вопрос всегда стоит так. — Он подписал. — Наталья Сергеевна, вы вторым.

Она подписала не глядя, но, подписывая, сказала:

— Я обещаю оценить условия, когда будут исходные данные, а не подтвердить заранее, что шкаф здесь безопасен. Если выяснится, что стеллаж на этом месте ставить нельзя, придётся менять решение.

— Понял, — сказал Алексей Викторович. — Лера Андреевна, тогда у меня к вам просьба. Пришлите мне этот протокол сегодня же, отсканированный с подписями. Я люблю, когда разговоры превращаются в бумагу.

— Пришлю до вечера.

На улице, пока ждала машину, она сфотографировала три листа, отправила себе на почту и только потом поняла, что руки замёрзли: перчатки опять остались в чемодане.

В студию она приехала к трём. Стас вышел в коридор, посмотрел на неё и сказал:

— Ты выглядишь как человек, который почти не спал.

— Я и правда почти не спала.

— Протокол?

— Сейчас разошлю. Скажи Даше, чтобы завела отдельную папку по объекту: переписка, полученные чертежи, запросы, рабочий протокол. Всё с датами, чтобы потом не искать по почте.

— Сделаем, — сказал Стас.

Она села за свой стол, который за две недели стал чужим: кто-то поставил на него коробку с образцами плитки, и Лера, не задумываясь, переставила её на подоконник. Потом отсканировала протокол и отправила Алексею Викторовичу, Наталье Сергеевне и прорабу — с коротким сопроводительным: «Рабочий протокол встречи 5 ноября. Прошу подтвердить получение. По первому пункту официальный запрос направляет заказчик».

В пять она открыла поиск и стала искать юриста.

Не того, кто ведёт сделки с недвижимостью, — таких в студии знали трое. Ей нужен был человек, который занимается наследственными делами и долгами, и она честно не знала, как это называется, поэтому искала по словам «наследство», «долг наследодателя», «спор с наследником» и читала описания практик.

На третьем сайте нашлась страница с формой запроса. Лера заполнила поля: город, телефон, краткое описание ситуации.

В поле «опишите ситуацию кратко» она написала шесть строк:

«Умерла мать. Есть завещание, по которому квартира завещана мне и постороннему человеку в равных долях. Второй наследник имеет на руках рукописную расписку матери о получении от него 1 800 000 рублей. У него также имеются банковские документы, содержание которых я ещё не проверила. Вопросы: как устанавливается остаток обязательства на день смерти, как это соотносится с наследством, есть ли у наследника право требовать с меня что-либо лично, и что мне нужно сделать сейчас, чтобы не навредить себе. Документы предоставлю».

Она перечитала. Слово «постороннему» ей не понравилось — оно было не по делу и выдавало её. Она заменила на «другому лицу».

Отправила.

Автоответ пришёл сразу: запрос принят. Через сорок минут позвонила администратор и предложила консультацию во вторник, десятого ноября, в пятнадцать ноль-ноль, по видеосвязи, сорок минут. Лера согласилась. На почту пришли подтверждение записи и ссылка для оплаты; оплачивать она решила позже.

Потом открыла календарь и вписала: «Вт, 10.11, 15:00 — юрист. Видео».

Выше стояло: «Вт, 10.11 — уточнить УК по акту и крану».

Лера посмотрела на две строки. Раньше на этом месте у неё было «позвонить Илье и спросить». Теперь было две строки, и ни в одной из них его не было.

Она открыла папку на рабочем столе, создала новую и назвала её «Долг». Внутри — подпапки: «Расписка», «Банк», «Юрист». Перетащила туда скан, второй снимок при лампе и свой файл с шестью пунктами. Файл назывался «Что я знаю по скану».

Балашихинский протокол она сохранила отдельно, в рабочей папке объекта. Ей нравилось, когда у каждой бумаги было своё место и можно было сказать: вот это сделано, вот это подписано, вот здесь ждём ответа.

В семь она вышла из студии. На улице шёл снег, тот же, что в Петербурге, только суше, и Лера постояла на крыльце, глядя, как он ложится на машины.

Домой она ехала в метро и по дороге проверяла почту. В одиннадцать вечера пришло письмо от Алексея Викторовича: «Протокол получил. Запрос по проектным документам отправил, копию вам. Смету посмотрел: по доводчикам согласен на первый вариант для нижних створок, на верхние — второй. Остальные позиции пока не утверждаю. Жду компоновку после заключения. До этого ничего не закупаем».

Лера прочла это дважды и впервые за день почувствовала что-то похожее на удовлетворение. Не потому, что проект сдвинулся, — до сдвига было ещё далеко. А потому, что в письме было три вещи, которые она могла проверить: запрос отправлен, одна позиция предварительно согласована, дальнейшие действия записаны.

Она открыла чат с Ильёй, посмотрела на последнее сообщение — своё, утреннее, про выписку, — и не стала ничего писать.

Вместо этого открыла заметку «Что я знаю по скану» и дописала в самом конце строку, которую утром не написала, потому что не была уверена, что имеет право:

«7. Спросить у юриста не только про долг. Спросить, что вообще можно и чего нельзя проверить самой».

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.